

Владимир Науменко
Космияне

Часть 1

Владимир Науменко

Космияне. Часть 1

«Издательские решения»

Науменко В.

Космияне. Часть 1 / В. Науменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934535-6

В одном из уголков Сибири отважные земляне, сами того не подозревая, своими несогласованными действиями вызвали к жизни целую цепочку невероятных событий. Студенты Дагос и Лотман находят нужным скрывать своё открытие, они уверены, что оно не пойдёт на пользу землянам. Того мнения и Тхара — Чандро, расшифровавший послание землян, после мучительных раздумий посылает на Землю свою дочь Индиану. Идёт незримая борьба сил добра и зла на путях рождения нового облика грядущих космических цивилизаций.

ISBN 978-5-44-934535-6

© Науменко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Космияне Часть 1

Владимир Науменко

© Владимир Науменко, 2018

ISBN 978-5-4493-4535-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-4536-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Безмерная Вселенная продолжала сжиматься и расширяться в тридцатимиллиардном цикле, когда луч весеннего Солнца, достигнув поверхности Земли, поглотился сибирской тайгой. Жизнь черпала свою силу из энергии, рассеиваемой Солнцем.

Природа призывала к себе всех, кто был близок к ней, всё в ней говорило о предчувствии наступления поры, когда на окнах тают морозные узоры, полноводная река Обь, прежде чем впасть в Карское море, разламывает мартовский* лёд, и в небе проявляется долгожданная синева. Город, находящийся на пересечении лесной и лесостепной природных зон, расположенный на Приобском плато, и лежащий на обоих берегах этой реки, назывался столицей Сибири.

... Два выпускника случайно встретились в ресторане, что находился невдалеке от учебных корпусов Новосибирского университета. В памяти парней мгновенно воскресли воспоминания о прошлом, и они, у барной стойки долго пожимая друг другу руки, и оплатив счёт по «винной карте», сели в дальнем углу. Встреча после разлуки состоялась, прошедшее после совместной учёбы в стенах альма-матер время выявило, кто был настоящим другом, а кто им лишь казался.

За час разговора не высказывалось всего, о чём хотелось сказать. Оно было и понятно. Что там говорить. Пролетевшие в разлуке годы не давали мыслям собраться, путались, иногда парни говорили совсем не то, что хотели бы сказать друг другу. Покинув ресторан, и выйдя на улицу Вилюйская, после недолгого разговора решили провести завтрашний день, 23 марта 2023 года, в лесу, где дышалось легко и свободно, появлялась возможность на время забыться в ветрах, шумевших в раскидистых ветвях деревьев. Виктор ушёл ночевать к знакомым, чья квартира располагалась на Красном проспекте, а Николай отправился к дяде, что жил около метрополитена.

Наступил день. Солнце, жёлтым светилом выглянув из-за горизонта, отставляло в небе атмосферу холодного безмолвия, словно этим маневром старалось замкнуть всё пространство в своём скудном тепле. Родник на поляне заставил двоих освободить плечи от тяжести рюкзаков и устроить привал. С изумлением для себя сибиряки заметили разницу между водой, что хранилась в корпусе

*последствия глобального потепления на Земле.

фляжки, и ледяной водой родника, своим вкусом вызывавшей быстрый прилив бодрости к усталым мышцам, они обрели для себя способность продолжить путь. Природа одобрила правильность решения побыть наедине вдаль от людей, соприкоснуться с нетронутым цивилизацией миром, вспомнить о былом. Смеркалось, и верхушки деревьев лишались дневного обаяния. Николай Лотман, взяв на себя инициативу разведения костра, ушёл вглубь леса. Виктор Дагос извлёк из походного рюкзака газету, и, пробежав глазами пару строк, отвлёкся от чтения, – номер не вызывал интереса и лишь годился для подстилки. Выкладывая съестные припасы, Виктор подмечал у себя настрой, на день позабыть все заботы в слиянии с лесной жизнью, рассеять опасения сердца и ума в океане целебной тишины. В шумных ритмах города он не уловил бы волшебного дыхания трав, говорливого всплеска ручья, голосов птиц и зыбкости звёзд, что таяли в предрассветных разливах будничных дней. Оглядев терявшийся в наступающих сумерках путь, Николай, вышел на тропу. Сухие сучья распространяли запах смол и древесины, сладко вдыхая его в себя, Николай взглянул на небо и подумал: пора возвращаться на поляну.

Тёмная ночь уже наступила, когда Николай и Виктор, поужинав у пылающего костра, прикрытые лесом, смотрели во мглу, освещаемую мерцанием звёзд, – как были хороши они в переливах космических одежд, и как порой жестоки. Тень наступившей ночи, усыпан-

ная звёздами в космической дали, уподоблялась морской волне, играющей в пространстве. А загадка светил, раскинувшаяся над ними шатрами непознанного, на фоне кажущегося покоя смотрелась иначе, маня туда, где жила угроза быть испепелённым всепоглощающей радиацией. Сияние на небосклоне звезд рождало в молодых восхищение, которые были не прочь с санкции разума забвением погрузиться во всеохватывающую черноту космоса, – рассыпавшиеся в нём мириады далёких галактик и туманностей напоминали планетарий, горя огоньками неизведанности. Лесной покой, наблюдаемый ими, благостно влиял на самочувствие, вибрациями озона, создавая загадочный мир особой реальности. Отключившись от брэнности бытия и присоединяясь к токам воздуха, Николай и Виктор спешили смыть из сознания боль утрат в разговоре о будущем. Языки огня, потрескивание и шипение сучьев привлекли внимание Чужаков. Прекратив сбор трав и устав притворяться неузнанными, они подошли к незнакомцам, наблюдавшим в троих повышенный интерес к себе и намерение завязать знакомство. Виктор пригласил погреться у горящего в ночи костра. Сделав это с большой охотой, собиратели трав искренне восхищались человечностью двоих, на чьих лицах была видна не строгость, а располагающая к беседе улыбка. Казалось, что обнаруженные белой луной-принцессой странные существа впервые попали на эту планету и не знали, с чего начать её изучение. Во взглядах Чужаков, слушавших, что говорил Николай, Виктором угадывались одни и те же банальные вопросы: «Кто эти незнакомцы? Что таят в себе? Почему они к полуночи очутились в лесу, а не в деревне?»

Пытаясь разрядить молчание Виктора, Николай стал громко предлагать ребятам ужин. С удовольствием сделав это, ребята стали расспрашивать взрослых обо всём, что могло вызвать интерес.

– Что ж, ребята! Вас понять несложно! – подбросив в костёр сухие ветки, говорил Николай, – молодость связана с любознательностью и её благородство, ещё незамутнённое годами, следует поддерживать. В сплошном информационном шуме у каждого из вас не остаётся места для глубоких раздумий. Юная душа, не слыша добрых слов и не получая от окружающих положительный заряд, черствеет, становится бесчувственна ко всему светлomu, чем богата совесть. Поэтому, слушая, вы постарайтесь осознать наши злоключения в таком развитии, в каком они имели место в недалёком прошлом.

Глава 1

Поиск жизни во вселенной

*«Жизнь бессознательная пульсировала в Пространстве
Вселенной»
Древнекитайская «Книга Дзиан»*

Преподаватель, убелённый сединой роскошных волос, с заметным волнением читал своё сообщение. По занятости аудитории можно было судить о том, что многих землян интересовала не только земная, но и космическая проблематика. Космос 21 века, подкреплённый открытиями антиматерии и появлением информационного общества, конструированием звёздных кораблей и нового образа человека, пришёл в будущее цивилизации под знаком гуманизма. Выход человека за планетарные пределы волновал слушателей не меньше, чем эра запусков автоматических станций в предыдущее столетие. Поле боя за истину в науке 21 века лежало не на поверхности шара, а в пределах звёздных широт. Только что, вернувшись из обсерватории, где прошла вся ночь в наблюдениях за космосом, учёный, изучающим взглядом примериваясь к рядам слушателей, понимал это. Основная мысль его сообщения сводилась к астрономии, и к связанным с нею задачам института. Пожилой человек, почувствовав на себе взгляды студентов и вольнослушателей, добросовестно излагал с кафедры стоящие перед наукой проблемы. Наполнив прозрачной водой гранёный стакан, преподаватель астрофизики, кандидат физико-математических наук Всеволод Максимович Желдин сделал глоток. Листки бумаги зашуршали под его пальцами, сообщение продолжалось...

– С незапамятных времён астрономия играла и продолжает играть немаловажную роль в эволюции нашей цивилизации, как бы предворяя жизнь человека, давая простор его инициативе и предприимчивости. Астрономия, как говорил Платон, заставляет душу смотреть вверх и ведёт нас из этого мира в мир другой. С эпохи Третичного периода эры кайнозоя, когда тело гомо сапиенса ещё покрывал густой покров шерсти, и до дней первой четверти 21 века, человечество совершило качественный скачок вперед. Вооружившись новыми научно-техническими достижениями, люди начинают покидать Землю, устремляясь в запредельные от Солнца звёздные дали, в процессе работы не забывая изучать волнующие учёных процессы в неизведанных сгустках материи, со времен Гераклита условно объединённые понятием Космос. С давних пор наши предки, борющиеся за хлеб насущный, стали замечать странные явления: синхронно появляющиеся на виду у многих косматые кометы, «падающие звёзды», – всё это фиксировалось в сознании народа, чьи наблюдения и поверья облекались в красочные образы. Многие пророчества, древние обряды и обычаи имели прямое отношение к небу; их наличие заставляло многих задуматься о мире, непонятном и загадочном. Вполне понятные мечты людей ощутить себя в состоянии невесомости, не вписывающейся в рамки сложившихся традиций, оставались наивными пожеланиями, воплощёнными во снах. Можно было, и то в салонах, говорить о перемещениях человека вне тела, о спиритических сеансах не без посредничества медиумов, но не допускалось выражать субъективные воззрения на мир как на составную, если не главную, часть самой природы человека. Человек, в своё время высказывавший смелые и опережающие на многие столетия мысли, невеждами объявлялся сумасшедшим. Честное имя учёного, который посвятил себя разгадкам тайн Вселенной, уничижалось и предавалось забвению людьми, видевшими в его рассуждениях серьёзную опасность для своего материального благополучия. Сам бедняга, своим сознанием и жизнью выстрадавший ценные для науки идеи, либо действительно сходил с ума, либо скрывался: опасны ведь не люди сами по себе, а их идеи, за претворение которых в жизнь многие из мыслителей не без основания опасались за себя. Прогрессивная мысль не могла найти поддержки в той среде, из духовных оков кото-

рой она вырвалась, стихийно бунтуя против попрания свободы творчества. Но время идёт, и многие люди, не разделявшие устаревшие воззрения церкви на силы природы, верили, что рано или поздно потомки претворят в жизнь то, что в тёмные века считалось полётом фантазии, граничащей с сумасбродством её создателя. Окованная в слово, она не могла осуществиться, так как для этого не было условий. Строя воздушные замки, позолоченные светом прекрасных мечтаний и не имеющие под собой опорный фундамент в жизни, многие видные деятели и учёные обрекались на бесславие. Стремясь к лучам истины, растапливавшим иллюзии, они не понимали оторванности своих поисков от потребностей времени, своими стараниями пытаясь создать нечто новое, что ещё не вписывалось в парадигму мышления современников, но что уже пребывало на грани веков. Тем не менее, честь и хвала им за это. Несмотря на неудачи, они своим посильным трудом явили нам звено разума, которое из поколения в поколение собиралось в единую цепочку практических навыков и умений: таким путём сконцентрировались тысячелетние искания науки о человеке и природе.

20 век. Эволюция человеческого сознания отразилась и в научно-технической революции. По сей день во всём мире идут споры об её характере. И, как учёного, меня ужасает сама возможность того, что все наши достижения в один миг могут пойти прахом, по неизвестной причине расщепись заряд хотя бы одной термоядерной боеголовки. Смертоносные взрывы уничтожат всё живое на планете, сделают её миром без людей, миром глыб и кратеров. Упаси Боже, но современные технологии так ненадёжны и опасны, что такая картина будущего мне представляется правдоподобной. К счастью, этот пессимизм научного моделирования перекрывает оптимизм веры людей в невозможность его осуществления преднамеренным путём, только поэтому Земля цела и не исчезла из космоса. Жизнь есть не только земное, но и космическое явление. Не открою истину, если скажу, что человек корректирует информацию в таком виде, в каком она поступает в чувства от разнообразных каналов, и мы, часто предпочитая оставаться «вещью в себе» для окружающих, непрерывно находимся в потоке информации, и никто из учёных не рискнёт высказаться за его ограничение, – тому есть многие предсказания. Одна из них касается проблемы, которую пока на практике проверить весьма сложно, но некоторые из учёных считают её дверными проёмами в альтернативные реальности. Это всем хорошо известные «чёрные дыры», предсказанные современником Вольтера, – Пьером Симоном Лапласом. Его выводы, посвящённые распространению света в поле тяготения, потрясают человеческое воображение. Согласно Лапласу, поле тяготения сверхплотных частиц материи настолько чудовищно, что не выпускает наружу лучей света. Это и есть «чёрная дыра», то есть, участок пространства, не имеющий поверхности, но сжатый в точку под действием силы тяготения. Вся эта масса как бы упакована в крошечном пространстве, она и образует сверхплотный объект. Эта область в пространстве-времени характеризуется настолько большой кривизной, что никакая энергия не может вырваться из хватки их гравитационного поля. Теоретически плотность «чёрных дыр» вычисляют по формуле: $e = 3m / (4\pi r^2 g)$. Они обнаруживаются по рентгеновскому излучению.

У всякого явления должна быть понятная причина. Она позволяет судить о развитии интеллектуально-образного мышления, не отграничивать, подобно Декарту, мир от человека, а открывать новые закономерности, лежащие вне пределов понимания их природы, размышлять о многих притягательных тайнах Земли и Вселенной. Есть многое, что пока недоступно нашим наблюдениям. Земная цивилизация обладает колоссальной возможностью научно изучить многие таинственные примеры, сложившиеся по причинам и по настоящее время неподдающимся рациональному объяснению, и не все известные реалии попадают под пресс логики, чаще всего приходя к нам в виде интуитивных прозрений: таковы живопись, научные открытия, духовные откровения. Наука идёт не прямолинейно, а вопреки основному принципу Лейбница, скачками. Жизнь Вселенной улавливается человеческим экспериментом не во всей целостности, а как фрагменты некоего комплекса идеальной действительности, приоткрывая

то, что нельзя познать сейчас, но что может быть познано завтра. Наши исследования галактик, столь далёких одна от другой, порой так примитивны, а набор средств так скуден, что только сферой ума постигаешь то, что не попало в обозрение телескопов и космических лабораторий. Стыд берёт за науку, за которой есть шанс быть приоритетной в будущем человечества, и её познание означало бы для него преодоление собственной разорванности на всех уровнях. Вы не поймёте моей главной мысли, если я не уточню ещё одну немаловажную деталь, заманчивой идеей возмущающей орбиту памяти: а именно, работу нашего радиотелескопа, заботливо опекаемого сотрудниками Новосибирского Университета. С его помощью скрупулёзно обследовав многие туманности и галактики, исследователи пришли к выводу, который позволяет судить о том, как на воображаемом принципе переноса информации происходили и продолжают динамично происходить процессы в бесчисленных звёздных далах. В пока не обследованных далах мы натолкнулись на нечто такое, что не поддавалось научному описанию и пониманию. Радиотелескоп зафиксировал явления, в удивительной закономерности, происходящие в звёздной системе S. После долгих размышлений об универсальности «феномена S», обнаруженного среди бушующих энергий становления и разрушения, я пришёл к пониманию того, что же происходит там, на самом деле. Сделав спектральный анализ S-звёзд и прилегающих к ним туманностей, по моей гипотезе протогалактик, я поразился увиденному зрелищу. В диапазоне волн изобиловали чёткие линии ряда тяжёлых металлов, – стронция, цезия и технеция. И, я обнаружил плутоний, чья природа искусственна! Но не это подтолкнуло меня к догадке, а другое. Согласно законам астрономии, все эти элементы должны были вступать в термоядерные реакции в недрах, а не на поверхностях звёзд. Это явление в корне противоречит научным аксиомам, так как изобилие опасных для всего живого элементов наблюдается вблизи природы звёзд, и непосредственно в их скоплениях. Взвесив все «за» и «против», я понял, что эта радиация есть не что иное, как технические отходы разумной цивилизации, чья практическая деятельность охватывает миллионы и даже миллиарды звёзд в системе галактик класса S. Возможно, что этот «астродемос», или народ, что проживает около своей звезды, по качественным параметрам во много крат превышает уровень жизни людей на Земле. Ценит жизнь выше всего! А мы, «умные», так и не изжили на своём древе первобытные пороки, не делающие нам чести, как жителям этой планеты. Но эту проблему пускай рассматривает этика, я лишь скажу, что в науке гипотеза вещь спорная, и перед вами я изложил сугубо творческую точку зрения на области космических исследований, которые, в принципе, и составляют основу нашего института. У вас, господа и дамы, должна быть своя работа мысли, а теперь я хочу перенести вас в далёкое и не совсем далёкое прошлое, в очаровании его тайн куда сложнее разобраться, нежели в загадках нынешних, происходящих на глазах. В древнекитайских летописях, благодаря искусству и стилистике неизвестного автора и бережливости последующих поколений, сохранилась запись, донесшая до наших современников отголоски события, в своё время взбудоражившего население Страны Поднебесья. Согласно ей, «тяньцзы», или «сыны неба», внезапно появились на «чудесных треугольниках», из сопел ослепительными языками вырывался клокочущий огонь. Именно тогда древние уроженцы Китая, задолго до Конфуция, стали поклоняться Шаньти, «Небесной Добродетели», как бы подчёркивая своё единение с тем, что было сокрыто от них небесами. Они быстро нашли общий язык с местным населением. Как пришельцам удалось преодолеть языковой барьер? Тайна! Если сопоставить хронологические рамки древних цивилизаций, то откроется ещё более поразительная картина. В Северном Китае научились мастерить лодки, что было присуще Средиземноморским цивилизациям, в частности, финикийцам; упряжь для волов и прочего тяглового скота, – наследственная черта греков и индусов; копать колодцы и возводить оборонительные постройки, – образ деятельности македонян; лечиться иглоукальванием, – метод, широко применявшийся жрецами Древнего Египта. Все эти факты, если их сложить в одно логическое целое, позволяют нам предположить следующее: все свидетели, реально существовавшие в прошлом и имевшие

достоверную встречу с инопланетянами, впоследствии запомнили это событие, о нём человечество не узнало бы, не будь чудом сохранившихся сведений из летописи. Время от времени в мировой прессе появляются обширные статьи с комментариями учёных о загадочном «снежном человеке». О его следах. Рассказы очевидцев, невзначай встретивших этот реликт в семействе гоминидов на заснеженных природных тропинках к труднодоступным вершинам Гималаев, впечатляют. Верить им или нет? По поверьям буддистов, там располагается сказочная страна царя Сучандры, более нам известная как Шамбала, её жители обычно не покидают своих мест, но по мере необходимости его покинуть, делают это не без помощи НЛО, которые фактом своего появления вызывают в людях суеверный страх. Согласно предположениям приверженцев этой легенды, старец Иоанн, держащий в руках бразды правления этой землёй, в нашем мире представлен тибетским далай-ламой, что лишней раз подтверждает мнение многих исследователей о загадочной ауре мест Тибета. Без преувеличения будет сказано, что если бы мы до конца разобрались в его загадках, то вполне очевидно допущение, что мы не мучились бы проблемой разгадки происхождения НЛО, а знали всё, что сейчас сокрыто от нас. Не исключено, что в той местности скрывается пребывание инопланетных форм жизни, которые по собственному произволу вмешиваются в ход событий на Земле, оставаясь при этом незамеченными и довольными своими действиями. Контакт с ними до сих пор не состоялся, несмотря на то, что объекты неизвестной природы будоражили спокойствие землян, то появляясь в странной форме, то моментально исчезая, тем самым давая учёным-ортодоксам повод для сомнений в их существовании. Вселенная, скажу я вам, настолько многомерна и в то же время замкнута, что трудно не соблазниться мыслью о творении всего из ничего. Радиотелескопы Грин-Бэнк, Ратан и многие другие устройства, в том числе и наша гордость, – радиотелескоп с параболической антенной, прощупывают небо сигналами в определённом его участке. Учёные силятся найти в улавливаемых из Вселенной позывных код, напоминающий искусственное происхождение. Как в математике, так и в астрономии, абстрактная истина может интерпретироваться по-разному. Легче измерить океан, этот гидрокосмос и его дно, чем разобраться в конструкции летательного аппарата НЛО, который многие из учёных, боясь подмочить свою репутацию, и не желают замечать. Я знал только московского исследователя Б. А. Шуринова, рискнувшего в любопытной работе «Парадокс 20 века» на основе многочисленных материалов зарубежных и русских очевидцев привлечь внимание к теме, на разбор которой пошло море чернил. Заграничных авторов, разумеется, на порядок больше. Наука, друзья мои, на то и есть наука, что в ней существует неугасимая борьба теорий и взглядов, на пути исследователей возникают препятствия, требующие не поспешных выводов, а серьёзного и спокойного научного анализа. В резерве науки существуют альтернативные гипотезы, моделирующие причины многих загадок Земли. Взять, к примеру, падение 30 июня 1908 года «метеорита» в Подкаменной Тунгуске. Огромная светонесущая энергия в факте своего мгновенного освобождения повлекла не только взрыв чудовищной силы, но и широкомасштабное вымирание флоры и фауны. Я был на месте предполагаемого падения, и у меня сложилось впечатление, близкое и нашим фантастам Казанцеву и Альтову, что природа феномена была искусственна, он был космическим объектом громадных размеров, чем просто многотонным «небесным камнем». Катастрофа случилась внезапно, над пространством тайги повлекла не только сбой в системе функционирования полётом, но и отказ механизмов, что приводили в действие аннигиляцию. Никто не успел увидеть, как это произошло, но согласитесь, всякий феномен достоин гипотезы, и каждый вправе говорить то индивидуально неповторимое, о чём думает. Другое дело, что научная методология требует, чтобы всякий учёный умел верно, сформулировать наблюдаемые соотношения наблюдаемых фактов и не всё достоверно, что конструируется логическим аппаратом, – почитайте «Критику чистого разума» Канта!

Мы идём дорогой, которая имеет много изгибов. Мы не знаем всего многообразия мира, но приближаться и осмысливать, чтобы правильно понять его относительность, мы обязаны, –

это велит нам наша жизнь и наше познание. Так и сейчас я не могу сказать, что исследования в ИКИ меня удовлетворяют, они очень медленны и подчас настолько неточны, что приходится начинать работу сначала...

Преподаватель ещё долго размышлял вслух, в своём сообщении он коснулся и тайны кочевого племени догонов с Западной Африки. Аборигены никогда не знали классификации звёзд, но поэтично воспевали тройные звёзды Сириуса. Он упомянул и о теории блуждающих в околосолнечном пространстве сгустков солнечного вещества, так называемых плазмOIDов; не забыл рассказать и о возможности падения на Атлантиду короткопериодичной кометы, по неизвестным причинам отклонившейся от орбиты следования. Он с особым чувством в голосе рассказал о тайне апокрифической книги Еноха, – её подарили Джеймсу Брюсу слушатели Аксумского собора Святой Марии. Желдин поведал студентам о тайне вознесения на небеса ветхозаветных пророков Елисея и Илии, о видениях мистика Якоба Бёме и духовидца Эммануила Сведенборга, пророка Иезекииля. Пророчества Заратустры и его последователей также стали предметом обсуждения на этой встрече. Не был забыт и мёртвый тангутский город Хара-Хото. Учёный представлял аудитории разнообразные гипотезы, в них чувствовалась попытка создателей разгадать тайну зарождения жизни не где-нибудь в созвездии Волосы Вероники, а на едва приметной, на арене сотен миллионов других миров планете Земля. Он смело размышлял о её эволюции в драматических и благоприятных аспектах; о появлении человека, об органических соединениях на планете и так далее.

С интересом прослушав не совсем обычное выступление, аудитория рукоплескала астрофизику Института Космических Исследований Всеволоду Максимовичу Желдину, чья более чем сорокалетняя деятельность базировалась на кропотливом изучении избранной науки. Большая эрудиция, огромное терпение и мужество, активная воля к познанию тайн своей науки, и наконец, человечность в общении с кем бы то ни было, снискали Желдину уважение коллег и студентов. Он понимал, что наука невозможна без споров. Ему особенно нравилось спорить со студентами, ответы и ошибки которых не давали исследованиям повиснуть в воздухе, превратиться в окаменелости мёртвых фразеологизмов. Он всегда был в форме, и учебный процесс преподносил так, что пользовался заслуженным авторитетом одного из оригинальных лекторов вуза. Поздним вечером, удаляясь за пределы ИКИ, он медленным шагом направлялся домой, где было одиноко, и где всё же появлялись приятели и близкие люди. Каждый день Всеволод Максимович, спеша на работу и вечером уходя домой, проходил аллею тополей, ровными рядами посаженную у ИКИ. Он останавливался возле каждого, с интересом наблюдая за молодым деревцем, в шелесте его листьев усматривая яркую и сочную жизнь, идущую по своим законам. Всё отражалось во всём: деревья, город, камни, эта аллея и небо. Вообще город N был городом загрязнённым. Явления смога уже вызывали у горожан чувство недовольства, и они, решив бороться с мэрией за чистый воздух, стали сами принимать все меры по его фильтрации. Желдин любил поразмышлять, гуляя на природе. Сжатое пространство кабинетных стен не могло нарушить гармонию его мыслей, и он, чтобы побыть наедине с самим собой и со всем миром, любил выезжать за город, в лес, где прислушивался к голосу покачивающихся белоствольных тополей и берёз, – вследствие такой терапии он немного освобождался от всего, что стесняло его в лаборатории. Сделанное им открытие ни на минуту не покидало его. Он бредил им, ходил за ним, как за малым дитём, интуитивно предчувствовал необыкновенное, которое вот-вот должно было пасть на него. Он не знал, как оно проявится, но понимал, что это должно произойти не сегодня, так, завтра, и внести какие-то новые черты в его космическое мировидение.

«С чего начнём? С результатов, чтобы докопаться до причин. Так что же выходит? Мы не уникальны во Вселенной?» – наедине с собой Желдин, наблюдая за галкой, клюющей хлеб в кормушке, углубился в свои мысли. – «Мир не есть пространство одних землян, он существует и для других. Вот и физики говорят о том, что всё, что есть во вселенной, есть результат

вибраций струн в десяти измерениях. Не изучена и тёмная энергия, что характеризуется величиной энергии вакуума. Именно она является причиной ускоренного расширения вселенной. Я давно догадывался, что одиночество землян есть вызов молчанию галактик. Что-то движет нами, но что? Хаотичное движение атомов не может составлять мироздание, нужна логическая последовательность его объяснения! Неужели, какая-то космическая субстанция генерирует наши идеи в строго заданные формы? Абсурд, а может быть, и правда? Мы познали сравнительно малое количество объектов во Вселенной, чтобы выносить вердикт о своей исключительности в ней. Ещё никто не в силах понять свою жизнь в её предназначении, всем она представляется по-своему, и не все видят в ней смысл, а лишь биологическое путешествие тела изо дня в день, упуская из вида главное, – умение жить сообразно своему духу. А что, если наша жизнь есть проводник каких-то неземных идей, экспериментов, которые должны обустроить нашу галактику в соответствии с Высшим Космическим Императивом?! Что же есть мы, в таком случае, – безвольные и подопытные формы органического бульона, или же „создания божественного провидения“? Как же в таком случае найти основания для утверждения землян на качественно ином уровне собственного, человеческого самосознания? Вопросы и вопросы. Где же выход?»

Рассуждая, таким образом, Желдин не заметил, как наступили сумерки. Он удвоил свои шаги из леса. Едва держась на ногах, он прохожим покинул аллею, на фоне которой виднелся ночной город. Шагнув в темноту и вздрогнул, увидев вынырнувшую со стороны тротуара тень, мгновенно исчезнувшую из поля зрения. За ним кто-то следил! Желдин остановился, прислушиваясь к звукам темноты. Вокруг было тихо, лишь тусклый свет Луны оживлял засыпавшие кварталы. Судя по лицу, он решил, что увидел наяву мыслеформу, она могла произвольным путём возникнуть из глубин сознания. Успокоившись, он пошёл домой.

«Но мыслеформы не могут превращаться в тени!» – от этой мысли, что только что пришла ему в голову, он не на шутку перепугался. Неизвестный встревожил его, и в эту ночь он ощутил на себе непонятный пресс, давящий на него силой своей неизвестности. Но для беспокойства повода уже не было. Тень канула в черноту звёздной ночи, и Желдин, находясь во власти грёз о далёкой космической цивилизации, поспешил к подъезду. Во многих квартирах его двора было светло и шумно, в подворье играли подростки, гуляли молодые, сплетничали старухи, а ему по возвращении домой предстоял ряд наисложнейших вычислений и расчётов в естественнонаучной области, куда направлялась сила его мысли. Он не мог прийти в себя от самого факта выявленной за собой слежки.

«Надо быть начеку! – подумал он, взбираясь по крутым ступенькам, ведущим в его квартиру – Наука может вызвать всплеск болезни воображения, а это сейчас нежелательно!» Тут им снова овладело непонятное чувство тревоги. Снова вернулось ощущение взгляда в спину. Он не мог понять, что же на самом деле происходит с ним. И вдруг... Он отказывался верить своим глазам. Он увидел себя, да так явственно, что поначалу усомнился в своём раздвоении. Двойник исчез, Желдин в оцепенении стоял у двери своей квартиры, не веря в то, кого он увидел. Очнувшись и опасливо озираясь по сторонам, он, сделав над собой волевое усилие, с нарастающим волнением вставил ключ в замочную скважину. Открыв квартиру, он остановился на пороге, прикрывая за собой дверь. Включив в прихожей свет, прошёл в свою комнату, уставленную книжными полками. Усаживаясь в кресло, астрофизик закрыл глаза. Ему представилась картина Вселенной, в её неизмеримых широтах звёзды были не так далеки, а рисовались на карте его внутреннего пространства доступными и колонизованными землянами. Картина будущего в тени настоящего. Желдин сопоставил всплывший в памяти образ двойника со своим. Точно такой же, как и у него, профиль, отточенный нос и впалые щёки, синие круги под глазами.

«Зачем он приходил сюда, и что ему нужно было от меня? Ох, не нравится мне всё это, но что-то необыкновенное должно произойти в ближайшие дни! Но что? Прочь вопросы. Лучше будет, если оставить это будущему, а сейчас...»

Включив компьютер, учёный в выбранной им папке стал вычислять значение астрономического объекта, чьё существование не подвергалось сомнению. Им была планетарная модель S-звёзд.

«Альтернатива земному разуму?! – было, подумал Желдин, – Искусственному интеллекту чужд мир эмоций, от них подчас страдает человек. Он был выдуман им и определён для решения архиважных задач. S-звёзды + земля = контакт» – пальцы учёного замерли в воздухе от возникшей идеи.

«Только бы составить понятный для них универсальный код! – решив завтра же направить в нужный участок неба параболическую антенну, размышлял он – Через символ можно рассмотреть жизнь, а если это так, то контакт неизбежен. Пусть мы пройдем через миллионы лет, но он осуществится. Если в S-звёздах есть носители разума, то ответ должен быть переправлен нам обязательно. Надо это обдумать и вынести на студенческий диспут. Звёзды таинственны и это прекрасно!» – мечтательный взор учёного улавливал лунный, красиво изливающийся в окно свет. Звёзды усталыми овцами отдыхали на чёрном лугу ночи, привораживая к себе всех, кто был увлечён мечтой о полётах к ним. С немой покорностью они глядели на жизнь городских кварталов, для его обитателей оставаясь безразличными и недоступными. Лишь Всеволод Максимович, далеко за полночь, думал о статье. Дописав её, он заснул прямо в кресле.

Глава 2

ЦЕНА ИЗОБРЕТЕНИЯ

«Ничто нас так не тяготит, как вереница хороших дней».

И. В. Гёте.

В то время, пока Желдин был вне себя от мучительной головной боли, два студента в общежитии увлеклись спором.

– Чудной всё же наш старик! – полным жалости голосом молвил Николай – Грезит о каких-то там запредельных мирах, когда нам и на своей планете живётся неплохо. Живи в своё удовольствие и радуйся прожитым дням. Проводи исследования любимых светил и в меру целесообразности обитай в этом одном из лучших миров. Всё тогда, Витя, хорошо, когда всё хорошо заканчивается. Не сочти за предрассудок, но за астрофизика мне становится тревожно. Мечтатель, обеспокоенный судьбой человечества, зайдёт слишком далеко в своих занятиях небом, да и помрёт от кровоизлияния в мозг. Сколько таких крепких на испытания полегло за научные теории, – не счастье. Сознание всегда индивидуально, Витя, и если Всеволод Максимович сегодня потрясает воображение аудитории открытием инженерной деятельности цивилизации с иной звезды, то чего же от него ожидать завтра?! Может, для подтверждения своей сумасбродной идеи он в подробностях опишет нам облик обитателя одной из звёздных систем, в чьей среде им интуитивным путём открылась основа разумной жизнедеятельности? Что-то мне не очень верится во всё это, но в мою душу закралось сомнение в возможности развития цивилизации где-нибудь на звезде далёкой системы созвездия Змееносца. Скопления, в непознанной реальности разбившиеся яйцом тёмной межзвёздной массы, не могут служить убедительным признаком для поддержания собственных измышлений, возникших в мозгу в интенсивном поиске смысла жизни человечества в космосе.

Виктор не перебивал, а с интересом на лице слушал друга, по мере яркости речи убеждаясь, что Николай незаслуженно «бодает» учёного наставника. Виктор живо стал защищать астрофизика: Твои мысли заслуживают одобрение, но прости за простоту, они слишком примитивны. Чтобы уяснить особенность психики, заложенную в нём, которую ты поспешил раскрыть на уровне дилетанта, надо, Коля, ощутить себя в порах этого образованнейшего человека. Порой мы судим о людях так, что позже становится стыдно и бросает в краску. Всеволод Максимович и дня не может обойтись без проблем, стоящих перед астрофизикой, это позволяет ему постоянно находиться в борьбе интеллекта с научным догматизмом, овладевать новыми рубежами в области науки и новыми средствами для познания мира. Его критически настроенный ум постоянно преследует великие замыслы.

Ох, загрузил! – Коля от слов друга лишь отмахнулся рукой – Как компьютер! Тебе бы пора читать лекции, а не сидеть в общежитии! Не спорю, ты, верно, мыслишь, Витя, но не будешь же ты отрицать, что Всеволод Максимович в скором времени должен стать регулятором посылки позывных, что мы обитаем в этом захолустном уголке вселенной, с радиотелескопа ИКИ, силой колебаний волн направленных в другие миры за Солнцем. Не знаю, как ты, но мне лично интересно было бы стать соучастником грандиозного мероприятия, чьё начало заложено в замыслах умного старика. Вот посмотришь, он ещё себя покажет!

– А мне, несмотря на твои поверхностные замечания, кажется, что Желдин тот человек, чьё открытие будет иметь непредсказуемые последствия. Астрофизика является его коньком, и она, как мне известно, есть раздел астрономии, изучающий физическое состояние и химический состав небесных тел и их систем, межзвёздной и межгалактической сред, а также про-

исходящие в них процессы. Я надеюсь, что в... не договорив желаемую фразу, Дагос запнулся на полуслове.

– На что ты надеешься?

Николай с нескрываемым удивлением на лице следил за быстротой движений Виктора по комнате. Его будто подменили. Отчего-то минуту назад этот парень вскочил с места и забежал по комнате, бледно освещённой светом уходящего дня.

– Да что с тобой такое происходит?

Ничего страшного, угомонись! – отвечал уже успокоившийся Виктор – Просто сегодня был хороший день, и люди, как это не покажется странным, мне на пути в институт попадались вежливые и не злые. Согласись, не часто такое встретишь! Знаешь, Коля! – со странным значением взгляда остановившись у западной части окна, продолжил разговор Виктор – Ты не поверишь, но мне сдаётся, что я нашёл выход из тупика.

– Из какого тупика? – спросил Лотман. Он не понимал, что этой фразой хотел донести до него Дагос. Студент стоял перед окном своей комнаты и глядел на двор. Глаза Виктора от найденного решения засияли так, словно в них отразилась красота многих минералов во вселенной.

Подойдя к нему, и сморщив лоб с видом знатока, Коля сказал: Забодай меня усть-илимский комар, у тебя, никак, температура от умственного перенапряжения?! Вроде и нет симптомов, указывающих на такой диагноз, так в чём же дело, Виктор? Что заставило тебя, подобно детской юле, с выпученными глазами беспокоить основание пола?

В комнате установилась тишина, где ответ завис в представлении Николая смыслом ожидания.

– Пожалуйста! Отнесись к моим словам серьёзно, и без смеси иронии с обвинением в умопомешательстве.

Сказав, Виктор подошёл книжной полке. На ней ровными рядами покоился ряд учебников по самым различным дисциплинам. Просмотрев содержимое нескольких из них, Виктор остался недоволен, его задумчивый взгляд обратился в тёмную сторону комнаты. Окрашенная в бордовые тона тумбочка привлекла его внимание. На виду у друга он стал рыться в папках, где было очень много бумаг, и до ознакомления с ними просто не доходили руки студента. После долгих поисков Виктор на радость Николая извлёк нужную папку. Открыв обложку салатного цвета, он что-то прочитал, а потом, словно опасаясь, что кто-то сможет подслушать их диалог, взмахом руки привлёк к себе внимание друга: Коля! Подойди сюда поближе! Вот схема, на её составление ушёл трёхлетний труд, ежедневный!

Вникнув в подробности предложенного материала, Николай воскликнул: Ты знаешь, кто? Сенсация, способная в пух и в прах разнести застарелые аксиомы и воззрения науки на природу вещей и процессов, их порождающих! Я горд, что живу с тобой под одной крышей. Невероятно, невысказанно! – в этот момент Лотман пребывал в неопределимом восторге. Обыденность общежития, не шла ни в какое сравнение с тем, что изобрёл его друг. Он и раньше не понимал нелюдимости Виктора, но теперь понял всё.

– Какой размах мысли! – приходя в себя от потрясения, Николай стал спокойно рассуждать – Bravo, студент Дагос! Ничего не скажешь. Вы заслуживаете всяческих похвал в своей попытке обрадовать современников этим открытием. Осуществим ли ваш план в реальности? The is the question! Вот в чём вопрос! Что скажешь на это, пролетарий умственного труда?

– Сказать можно многое, только в наших ли силах придать абстрактной, тем более не в полном объёме отработанной в теории идее, воплощённую форму аппарата, чьё конструирование граничит с безумием?

– То есть, ты хочешь сказать, что его создание должно стать синонимом научного подвига?!

За окном ночь надвигалась быстро, в городе утихала будничная активность сибиряков. А студентам пришлось над чем призадуматься. Было над чем. Открытие в лице Дагоса потенциального теоретика сулило человечеству одни хлопоты и переживания. Именно в этой ничем не примечательной комнате решалась одна из многочисленных перспектив создания на Земле космического аппарата парализующей психику силы, и кто из однокурсников мог подумать, что этот хилый на вид парень породит на белый свет идею, чья двусмысленность сильно встревожила гуманиста Колю.

– Вот мы, типы! Рассеянность наших мыслей встревожит кого угодно, – отстраняясь от размышлений, Виктор выразил свою досаду – Помнишь, Коля, именно в ней нам пришлось усердно покорпеть над курсовыми работами. Как мне помнится, твоя работа называлась «Космические вооружения с точки зрения проблем астрономии». В ней ты дал полную волю интуиции и творческому воображению.

– Припоминаю, припоминаю! – живо отозвался Николай – И твой курсовик, чай, не промах. Звучал позабористее, чем моё исследование. Знаешь что, Витя. Я хочу попросить тебя.

– О чём?

– О том, чтобы в нашу обоюдную тайну, и связанное с ней будущее экспериментов в кустарных условиях не вмешалось постороннее лицо. Так часто происходит, что лес может стать вдохновителем, или просто местом отдыха для того, кто неосознанно воспрепятствует проведению нашего замысла на практике. Пусть тайна останется тайной...

После этого разговора в ночной тени прошло ни много ни мало полгода. Прочитав книгу за книгой, затронув азы таких нетрадиционных спекуляций ума, как магия в преломлении трудов Мэнли Холла, парапсихология, астрология, алхимия и вкупе с ней гипноз, они и на этом не остановились. Дагос и Лотман не оставили в стороне теорию энергетических возможностей человека в фокусе взаимодействия его биополей с окружающей средой, зазубрили то, что не поддавалось зубрёжке. Аппарат был сконструирован.

– Он пока не вписывается в рамки логики, – как-то заговорил на обычно не затрагиваемую ими, по понятным причинам тему, Лотман – Его характеризует не только проникающая на значительное расстояние способность нарушать деятельность жизненно важных для человека органов. Мы изобрели такую штуковину, с воздействием которой на одушевлённое несравнимо ничто, что изобреталось человеком для собственного умерщвления. Его назначение как раз в том и состоит, что моделируя частоту излучения, можно воздействовать на лимбическую систему мозга, отвечающую за эмоции и уровень адреналина. Аппарат, если подогнать мозг под внешнюю частоту сигнала и зная её код, дистанционно управляет его ритмом, делает из людей подобие зомби. Термоядерное оружие на его фоне будет выглядеть жалкой и никчемной игрушкой, на пугающую наружность которой глупо выбрасывали миллиарды долларов.

– Что верно, то и пугает! – сказал Виктор, и продолжал то, что занимало его – Изобрели мы его в довольно сжатые сроки, – против этого я ничего не имею. Одна загвоздка в этом предприятии тревожит меня с первых часов его наличия в наших руках. Как мы, его создатели, столько времени промучившиеся над его сотворением, в символикке выразим его непредсказуемую сущность?

Виктор хотел на эти слова произнести свои соображения, как был остановлен лаконичной фразой друга: Астродемос!

– Что это обозначает?

– А ты, светлая голова, хорошенько пошевели мыслишками! – пытаюсь привлечь друга к аббревиатуре, Николай ловко ущемил любопытство. Виктор, стараясь разгадать смысл, заключённый в понятии «Астродемос», отпрянул на спинку стула.

– Прости, не догадался! Ну, старина, просвети того, у кого голова сейчас не на месте.

– Эх, Витя! – укор так и просвечивался в глазах Николая. – Этот аппарат призван увековечить во времени и в пространстве цель наших поисков, а именно: «звёздный народ». Теперь то до тебя дошло?

– Уловил-таки! – вздохнул виновник изобретения – Всё просто. Магическая игра слов, и... – помедлив, он добавил: Аппарат получил боевое крещение.

– Подожди с выводами! – Николай предостерег друга. – Как известно, психология близка к раскрытию механизма кода работы мозга, и в ходе проведённого нами опыта мы убедились, что Астродемос воздействует на центральную кору больших полушарий человеческого мозга. Независимо, – земной он, или космической природы. Происходит поражение психики жертвы, она становится послушным орудием, вся его роль сводится к чёткому и автоматическому выполнению распоряжений человека, подающего команды. И экспериментаторы вольны делать с ним всё, что им вздумается. Поражающая сила аппарата включает в себя площадь радиусом 7—8 метров, естественно, исключая того, кто оглашает искомую команду. Энергия воли и сила мысли, затрачиваемая на команды, именно поэтому, как я считаю, он вне воздействия нашего изобретения. Парадокс, Виктор, который исключён при термоядерном взрыве. Ты теперь осознал, какому чудовищному риску мы подвергаем себя и всё человечество. Проведай разведслужба, или организованная преступность, о нашем открытии, – и прощай волюшка на вечные времена. Это опасно именно сейчас, когда наступают признаки долгожданной эры затухания конфронтации, и многие страны между собой налаживают тесные контакты. Мы будем гонимы, нас оплюют и затопчут. Во все времена, и ты это знаешь, люди с зачатками нового мировоззрения всегда были предметом осмеяния, изгнания и смерти. Пророков истины, Витя, не любят, но наука держится на них. Как мы забавлялись с опытами на кроликах, подвергшихся зажигательному импульсу этого открытия, так и люди, себе на потеху, будут любоваться нашей травлей. Хлеба и зрелищ, и желательно, кровавое жертвоприношение. Во избежание риска я предлагаю сохранить наше открытие в тайне, – до лучших времён. Терпение вознаградит нас за службу ему, и глубокая конспирация пойдёт нам на пользу. Договорились?

Виктор, в знак согласия, обменялся с другом крепким рукопожатием.

Рано поутру жизнь в общежитии походила на кипучий гейзер. Соседи по этажу, где в одной комнате проживали Виктор и Николай, по своим привычкам и вкусам были разными людьми. Конечно, они и не подозревали о том открытии, тайну которого в себе носили два парня, ничем не выделявшиеся из их среды. Ничем непримечательная комната, куда вела дверь под номером 250, в скором времени была обречена стать местом невероятных событий, а пока, после лекций студенты шумной стайкой устремлялись на дискотеки и в кинотеатры. Решением декана факультета Григория Жасминова, тех студентов, которые нарушали запреты, предписываемые регламентом жизни общежития, без сожаления лишали стипендий, что служило поводом для конфликта между преподавателями и студентами. Но, как говорится, студенты на то и студенты, они потихоньку нарушали заповеди «элиты», смиряясь с ними внешним приличием, а не внутренней потребностью. Готовясь к предстоящим экзаменам и зачётам, студенты аккуратно составляли конспекты лекций и семинаров, писали шпаргалки, штудировали учебники и пособия, спорили между собой и вместе же размышляли. Всё это вместе взятое придавало жизни сибирского городка науки полнокровное дыхание настоящего творческого поиска, лишённого надуманного единогласия. Каждый мог отстаивать собственную точку зрения, и, тем не менее, уважать точку зрения своего собеседника, – это была настоящая культура мнений и взглядов. Дискуссии были настолько плодотворны и интересны, что стали привлекать к себе внимание других научных коллективов России, силой мысли кующие в своих лабораторных кузницах научную действительность. В свой черёд преподаватели не застревали в тине догматических предрассудков о месте науки, а совместно со студентами на кафедрах и в аудиториях усовершенствовали методику обучения, которая выявляла и направляла стимул к творчеству.

... – На планетах и звёздах термоядерные реакции протекают самопроизвольно, в результате чего происходят глобальные катаклизмы, зачастую приводящие к омнициду, то есть, к всеобщей гибели. Но в Солнечной системе этого не происходит, так как Земля есть космическое тело, подчинённое общим для вселенной законам. – Желдин отошёл от кафедры к окну, молча улыбаясь, поглядел во двор института, вздохнул и спросил у аудитории: Почему? Ответ на этот вопрос лежит в части энергии. – Сказав, Желдин отошёл от окна, и, возвратился назад, к покинутому им месту. – Высвободившаяся из недр n- ой планеты или звезды, в космосе она рассеивается, существенно снижая вероятность галактического апокалипсиса. Подчинив своим нуждам колоссальное количество воспроизводимой энергии, человек не удовлетворится достигнутым свершением, а постепенно, стало быть, скачкообразно, начнёт проникать вглубь недр звёздной массы и тёмных космических объектов, вместе составляющие строительный материал Вселенной. Он станет добывать полезные для себя ископаемые, найдёт в их космической природе источник отдохновения от долгих путешествий, и неиссякаемое вдохновение, – предтеча великой миссии изобретателя. На сегодняшний день открытым остаётся вопрос: как и кем, будут использованы эти ресурсы? Термоядерный синтез ставит многозначную точку в проблеме поиска альтернативных источников энергии. Сейчас я проведу опыт, провоцирующий реакцию деления ядер урана, или, его изотопа $U\ 235 - 92$, и вы получите наглядное представление о цели моей встречи с вами.

Всеволод Максимович в перчатках, и ни на минуту не забывая о мерах предосторожности на случай возможного облучения, осторожно открыл контейнер. Несколько раз, перепроверив содержимое ячеек, Желдин с ужасом на лице отпрянул прочь: контейнер оказался пуст. Стараюсь не драматизировать возникшую ситуацию, Желдин с озабоченным видом застыл перед собравшимися в аудитории студентами.

– Ребята! – задрожавшим локтем опираясь на кафедру, Желдин обратился к студентам – Пропали ампулы, где содержались высокорadioактивные: кюрий, плутоний, радий и уран!

Среди студентов послышались возгласы возмущения.

– Мне доподлинно неизвестно, какой человек, пользуясь преступной халатностью наших лаборантов, посмел их взять. Это же сильно отразится на их здоровье. Сожалею, коллеги, но в связи с этим прискорбным происшествием моя лекция прерывается. Я хотел бы попросить вас не расходиться, а помочь предотвратить смерть, пока ещё не вырвавшуюся из ампул.

В аудитории установилась мёртвая тишина. Студенты, один за другим, стали подходить к трибуне, а Желдин, чувствуя свой профессиональный долг, оперативно организовал студенческий штаб по поиску виновника краха сегодняшней лекции. Были приняты все меры. Потеряв время и покой, горько разочарованный поисками пропажи, Желдин поспешил вызвать сюда радиометриста со сверхчувствительными счётчиками. Наступило разочарование и в их показаниях. Счётчики регистрировали соответствие радиационной обстановки института природным фоновым значениям.

Прошло два дня. Поздним вечером, возвращаясь дорогой из института до дома, обдумывая итоги прочитанной сегодня лекции, Желдин неожиданно для самого себя ощутил необъяснимое желание повернуться лицом к юго-западу. Подчинившись ему, он с волнением, только сейчас, заметил над лесом серебристый рожок луны.

– Откуда он исходит? – прошептал астрофизик, заметив в обаянье леса синеватый свет. Но природа не слышала этих вопросов, а струйкой гаммы цветов, ласкавших зрение, растекалась повсеместно, строго правильной точкой пульсаций указывая источник своей тайны. Для человека, неосведомлённого в ядерной физике, этот свет ничего не подсказывал, – горит себе, ну и пусть.

Но Желдин, проводивший с коллегами опыты по расщеплению радия, не мог не знать его оттенка, и оставаться к нему безучастным. Тихой поступью шагая по опавшим листьям, золо-

том осени царивших в природе, он заморожено осматривал лес, пробираясь через лежавшие на его пути валежники. Продолжая углубляться в лес, он встревожился. В центре поляны виднелся странный терем. Учёному он показался знакомым. Взойдя по покрашенным в синий цвет ступеням, Всеволод Максимович в задумчивости остановился на пороге. Открыв дверь, он обнаружил, что он пуст. Опытный глаз отмечал первоклассные приборы, фотомонтаж на стенах. Последний заинтересовал его. Фотопортреты Платона, Аристотеля, Ньютона и Хаббла, Флоренского, Козырева и Шкловского на стене почему-то не удивили Всеволода Максимовича. Призадуматься его заставило другое. Фотопортрет Желдина, запечатлевший его на снимке в коричневом пиджаке и чёрных брюках, безропотно глядел на свой физический прототип. Фотокопия впечатляла точностью изображения обстановки, и астрофизик не сводил с неё глаз, он усиленно пытался припомнить тот день, когда фотографировался в последний раз. С любопытством рассматривая портреты, Желдину подумалось: «Астрономические аксиомы и доказательства, длинной вереницей формул и понятий выведенные на трёх стендах, принуждают меня окончательно потеряться среди всех этих лесных мистерий».

Необычайно тёмная ночь за окнами, окутавшая даже близлежащие деревья, вызывала в нём неприятное впечатление.

«Сдаётся мне, что неизвестные физические x и y , – свои. Человек со стороны никак не мог знать меня в лицо», – подумал он, рассматривая свой портрет – «А почему это не мог? Откуда у тебя такая уверенность? Кто только не присутствовал на моих лекциях, и кто знает, что у кого на уме».

Желдин в расстроенных чувствах вышел наружу. Впотьмах побродив около терема, и не найдя в нём ничего, что вызывало бы интерес, он вскорости удалился восвояси. Он ошибся в источнике света. Свет оказался продуктом бурно протекавших процессов разложения в тушке кролика, и Всеволод Максимович со смешанным чувством презрения и жалости наблюдал в нём работу микроорганизмов. В уме астрофизика не возникало ничего, кроме осознания бессилия перед событиями, с каждым новым фактом появления становящиеся интереснее, чем предыдущие.

Глава 3

ПОСЛАНИЕ

«Отрицание разумных форм жизни во Вселенной есть проявление человеческого высокомерия».

Карл Саган.

В то самое время, когда Желдин размышлял о загадках развития Вселенной, Виктор и Николай сидели в комнате, и усердно штудировали книги, готовясь к семинарским занятиям. В долгие зимние ночи, когда на дворе стояла стужа, а в окно бились белые снежинки, они проводили свободный час другой в дружеской беседе...

– Знаешь, Коля, – отрываясь от чтения книги, произнёс Виктор, – Не пришла ли пора осуществить радиоконтакт со звёздной системой S? Как мне смотрится, идея и не так уж плоха, как и выбранное для этой миссии время.

Николай взглянул на Виктора, тут их взгляды встретились.

– А сейчас ответь мне на один вопрос, – что это вдруг на тебя нашло? – удивлённый Николай, нетерпеливо повёл плечом, и как ни в чём не бывало, продолжил листать свои конспекты, касающиеся проблемы развития радиоэлектроники в космической связи.

– Чтобы осуществить такое послание, – продолжал далее развивать свою мысль Виктор, – надо таким образом составить информацию, которая в кратце ознакомит обитателей S – звёзд с Землёй.

Отложив конспекты в сторону, Виктор закрыл глаза. Николай взял в руки учебник физики, раскрыл первую страницу, и делал вид, что как бы ни замечает речи Виктора.

– Разговор – одно, а дело – другое!

Какое – то время спустя, произнёс Коля. Они понимали один другого: Нужен код послания.

– Он уже готов! – сказал Виктор – Осталось лишь передать его по назначению. Всё шло бы замечательно, если бы не одна загвоздка, никоим образом не увязывающаяся с самой идеей радиоконтакта.

– Интересно! – глаза Николая застыли на странице учебника – Всё это очень интересно! – произнеся и отложив учебник в сторону, он встал. – Как же нам поступить?

Коля стал расхаживать по комнате, в окна этажа смотрели звёзды, – вопрос требует ответа, причём, ответа незамедлительного.

Некоторое время он наблюдал за горящими в небе точками, находя в них что-то особенное и интересное. Его предчувствия были неясны, но правильны, ибо в дальнейшем они свяжут узы его судьбы с кажущейся вечностью этих мерцающих звёзд.

– Он есть! – глядя на друга, сказал Виктор – Ответ этот уйдёт через тебя.

Взгляд Николая остановился на оконной раме.

– Как это через меня? – отняв взгляд с рамы, спросил он.

– А вот так! Через тебя, и всё! – без тени иронии ответил Виктор, сжимая и разжимая ладони – Ты сконфужен? Право, не надо. Объясняю. Через тебя, как через непосредственное звено в общей биологической цепи высших форм разума, оформившихся на нашей планете в облике человека, я с помощью Астродемоса передам преобразователю антенны чаши радиотелескопа те данные, которые в максимуме выразительных средств отражены в послании.

И наблюдая молчание-интерес Лотмана, Виктор продолжал: Я всё тщательно продумал. Поверь мне на слово, сорваться не должно! Этот эксперимент нисколько не отразится на твоём психосоматическом состоянии.

– Ну ладно, ну хорошо! – какое-то время, поколебавшись между отрицанием или принятием, Коля ответил утвердительно – Смотри, мы оба рискуем навлечь на себя неприятности. Одна просьба, – смотри, не переборщи с уровнями аппарата.

– Вот и прекрасно! – серьёзное лицо Виктора сменилось на улыбку...

На исходе следующего дня, когда перед закатом пульсации Солнца облобызали крыши городских кварталов, застывших в ожидании очередной ночи, Виктор и Николай, продумав и выработав совместный план действий, со спокойствием всё знающих студентов шли по городу, утихающему от будней. В то самое время, когда они выходили из общежития, Желдин поставил последнюю точку в своём плане посылки радиосигнала. Удовлетворённый своей работой, он и не подозревал о той беспринципной игре, разворачивающейся под его боком. Решив помедлить с осуществлением своего самоволия, друзья завернули в жилой массив.

– Смотри! – кивая на высоту здания, усмехнулся Николай – Наш «академик» работает.

Виктор посмотрел на окно, где горел яркий свет, и ничего на это не ответил.

– 22 час 30 минут. – На ухо Виктору украдкой шепнул Николай, осматривая периметр ограды ИКИ. В этот час, согласно штатному расписанию, на бессменную в своей жизни вахту заступал Алексей Проханцев. Человек с привычками закоренелого алкоголика следовал по старинке, и в эту ночь, как и прежде, имея сильное пристрастие к спиртным напиткам, с полной отдачей душевных сил приложился к бутылке. И, приняв на грудь 40 градусов спирта, потерял бдительность сторожа. Её утрата круто изменила жизнь многих людей.

С ловкостью профессиональных взломщиков перебравшись через остроконечные копыа ограды, и оставляя за собой путь отступления, студенты с масками на лицах неслышными шагами подошли к рабочему месту сторожа. Как нарочно, они не увидели ни одного человека, и это их устраивало.

– Пора выдвигаться! – произнёс Николай.

– Да прости меня наука, если моё безумие не пойдёт ей на пользу, – боязливо, и с надеждой на лучший исход авантюры, прошептал Виктор.

– Что вы тут забыли, молодые люди? – спросил сторож, испуганный вторжением посторонних. Безоружный, он на мгновение растерялся, что ему дорого обошлось.

Коля, наблюдая нерешительность друга, остановился. Он и сторож оглядывали друг друга, и ничего не предпринимали. Думали: – что дальше делать?

Напряжение нарастало по восходящей линии.

– Мы пришли сюда с особой миссией, далёкой от твоих земных дел, – сквозь зубы, дрожа от нахлынувшего волнения, ответил Виктор. В правом кармане его куртки находился Астродемос. Это обстоятельство отлично осознавал Николай, и с ужасом на лице ожидал дальнейшей развязки.

– Ни с места, наглецы! Иж, чего задумали? Я сейчас вызову полицию! – проорал старик, и нервно трясущейся рукой потянулся к кнопке тревожного вызова.

– Однако, вы легки на расправу! – цинично молвил Виктор, правой рукой доставая футляр. – Не бойся нас, старик. Подойди сюда, и расслабься! – команда Дагоса мгновенно подействовала на волю старика. Сторож больше не выражал ни тревоги, ни возмущения. Он подпал под воздействие Астродемоса.

– Вот так-то будет лучше, – произнёс Виктор, оставляя безвольного сторожа на месте. Он взглянул на радиотелескоп. Потрясая своей красотой, астрономическое сооружение внушало им страх так же, как в своё время внушали трепет башни-зиккураты жителям Двуречья. Гигант не подавал внешних признаков своей жизнедеятельности, и это вселяло в студентов смелость. Многометровая антенна, вмонтированная в параболоид чаши радиотелескопа, суть приёмник космического радиоизлучения, и остриём конструкции направленная в таинственный мир звёзд, сияющих высоко в небе, возвышалась на фундаменте во всём своём грандиозном замысле. Она вобрала в себя инженерные идеи Человека, золотыми руками строителей

воплощённая в исследовательский инструмент ИКИ по изучению загадок происхождения Космоса, помогала астрономам разрешить невероятные по своей запутанности проблемы, изучить мир спиральных и эллиптических галактик, радиогалактик. Затаив дыхание, студенты не без беспокойства взирали на радиотелескоп.

Подойдя к подножию башни, где застыла огромная чаша, Лотман произнёс: Принимайся за работу! Виктор, не медли, начинай!

Виктор настроил аппарат, и через считанные мгновения Коля оцепенел на своём месте. Тут же Виктор стал мысленно передавать обширное послание в радиочастотном диапазоне, предназначенное для приёма жителями S-звёзд. Воздействие аппарата, уподобившись рентгеновскому лучу, быстротечно сказалось на психике Николая. Без сомнений, он явно был не рад, что стал одним из звеньев «биоцепи», но события свершились, информация от него передана к острию антенны. Электрический разряд, треском напомнивший им стихию гроз поздней осени, ушёл в пространство, в чаше радиотелескопа послышался странный гул. Даг – Лот свёл своё влияние к нулевой отметке.

– Антенна вышла из строя! – очнувшись и хватаясь за голову, Коля запаниковал – Бежим, Витя, пока нас никто не заметил.

– Постой бежать! – Виктор попытался образумить своего друга – Нам важно, чтобы сторож сейчас спал беспробудным сном.

Но Николай и слышать не хотел Виктора. В миг, очутившись подле ограды, и лихо, чуть было, не зацепившись за остриё её железа, перемахнув через неё, он оказался на тротуаре и отчаянными жестами стал звать Виктора к себе. Вскоре Виктор был рядом с ним, и усталые, но счастливые, они зашагали по городу, переговариваясь по дороге.

– Миссия прошла успешно, но настроение сонное! – вяло ступая по тротуару, пролепетал Виктор – Мне кажется, что в прошедшую ночь я перевернул не одну, а целый десяток страниц в книге своей жизни.

– Правда, твоя! – заправляя рубашку в испачканные грязью брюки, согласился Николай – Я силюсь представить себе лица преподавателей, когда сегодня они узнают о таком происшествии. Жаль старика! Сегодня он должен был в присутствии многих студентов отправить в космос своё радиопослание. Как это не выглядит со стороны, к счастью, или к беде, мы его опередили. Что из этого выйдет, – трудно и предположить, но ты и я не станем отрицать, что гипотетическая цивилизация, улови она наш радиосигнал, пойдёт на радиокontakt. В своих лекциях Желдин высказывает лишь смелую догадку, а не обозначенную им реальность, не подкреплённую достоверными данными. Этот факт сам по себе слишком спорный, чтобы всерьёз утверждать о существовании инопланетного разума. По интеллекту они, возможно, и превосходят нас, и мне думается, Виктор, что они получают огромное удовольствие обследовать наш по их космическим меркам доисторический разум. Считается, что они сопричастны к исчезновению людей! Был человек, и нет его на Земле. Куда он делся? А кто их знает! Пропали сотни тысяч на Земле, пропали бесследно. Будущее, остаётся только верить в это, даст свои ответы. Был бы только от этого прок! Мне лично жалко видеть старика подавленным и обойдённым нами. Он это не заслужил, мы весьма отвратительно поступили с ним.

– Это почему же? Ты сам был за то, чтобы вычеркнуть его из списка наших правил.

– То-то и оно! – вздохнул Николай – Слушай, что я скажу. Нам надо было бы посоветоваться хотя бы с ним. Он добродушный человек. Желдин понял бы нас без задних мыслей, и простил. Всё-таки за его плечами не один десяток лет работы, и какой работы. Своими советами и рекомендациями он мог бы помочь нам. Вот и получается, мы и вывели его из своей игры. Это нечестно.

– Но тогда нам пришлось бы, как ни парадоксально, раскрыть перед ним факт нашего изобретения. Кто из нас знает, как бы он отреагировал на это открытие. Лучше оставить всё так, как оно есть, а там будет видно. Наши дружеские секреты останутся между нами. Гово-

речь о них астрофизику слишком большой риск. Ты себе на минуту представь, что бы это вызвало. Дальнейшим нашим работам пришёл бы конец, мы были бы оторваны от процесса учёбы, от приобретения профессии. Нас постоянно отвлекали бы от дела, а драгоценное для нас время не только бы приблизило, но и отодвинуло науку далеко от нас. Так что, Витя, твои слова не несут никакого смысла относительно возможных событий в будущем. Всё тайна, всё загадка, всё рано или поздно раскроется, а взамен возникнет новая, повторяя закономерный круговорот вечности. А из него, вследствие гениальной интуиции или закономерной случайности выпадут неразрешимые ранее человеком головоломки, несущие в себе частицу непостижимого. Хорошим подспорьем нам, Витя, было бы раскрытие сокровищницы психики, – это творчество и простая случайность, вследствие чего человек проник в глубины вселенной и атома. Наглядный пример – Астродемос! Бродить по окрестности своих фантазий не возбраняется, но время есть лучший арбитр, так что на сегодня хватит слов.

За разговором они проходили последний квартал, отделяющийся от другого, в его черте располагалось здание общежития.

– Вот и добрались до общежития, – у Коли вырвался вздох облегчения. – Валюсь с ног от переизбытка ночных впечатлений.

– В конце концов, нам надо выспаться! – с сочувствием поглядев на Колю, чья сонливость достигла последних пределов, Виктор высказал дельную мысль. – Пойдём, друг, медлить нечего. Полноценный отдых нам не помеха.

Коля в ответ понимающе кивнул, и вслед за Витей сделал шаг в многоэтажный блок.

Жизнь в институте была разнообразна. Студенты охотно посещали лекции, записывали в конспекты многое из того, что там произносилось, но немногие ощутили в себе тягу к овладению астрономией. К тому же работа сотрудников ИКИ, касающаяся перспектив освоения таинственного мира S-звёзд, шла черепашьям ходом. Никто не отважился осмыслить открытое им явление. К этим проблемам подвернулась и ещё одна беда. Из-за нехватки средств исследования в ИКИ временно прекратились, что было большим ударом для учёных, но они привыкли к трудностям и не отчаивались. Желдин намеревался в присутствии многих студентов послать радиоимпульс в тёмную материю, где скрывались далёкие от Земли миры с разумной жизнью, и над его составлением работал сутками напролёт. Поломка неизвестными радиотелескопа, и забывчивость на лица злоумышленников протрезвевшего сторожа, как многие думали набравшегося в ту ночь водки, заставили астрофизика смириться с неприятностью.

...Студенты в аудитории терпеливо ожидали появления своего наставника, перешёптываясь между собой о предстоящих планах на будущий учебный год. Они улавливали малейшую возможность, чтобы перекинуться, друг с другом словечком, и хаос бесед, оживлённо протекающих в этих стенах, мгновенно перерос в шум, каждую минуту нарастающий с новой силой. В этой неразберихе нельзя было предположить, какое число возникающих и затухающих диалогов за это время успело образоваться. С появлением преподавателя всё переменялось. В аудитории установилось молчание, всё внимание студентов устремилось на трибуну, где был Желдин.

– Добрый день, уважаемые коллеги! – первые слова приветствия слетели с его уст – Не правда ли, сегодняшнее утро порадовало всех вас солнышком и прояснило отуманенный сном ум. Всё понимаю, и я ведь когда-то в ваши годы сидел за партой, но сделайте милость, поприветствуйте меня так, как это принято в высших российских учебных заведениях.

Аудитория встала. В ответ на это астрофизик с улыбкой на лице сказал: Спасибо! Прошу садиться. Сегодня, коллеги, я продолжу свою лекцию, которая посвящается загадочным радиосигналам, тому миру, благодаря которому современные учёные ведут круглосуточный обзор Вселенной. Мне бы хотелось, чтобы здесь установилась тишина.

Его серьёзный взгляд заставил многих прекратить перешёптывания.

– Благодарю вас. От тишины, господы и дамы, зависит качество знаний, получаемые вами за те часы, в ходе которых вы прослушиваете голос лектора. Не заставляйте меня лишний раз перенапрягать свои голосовые связки. Вам, господы студенты, должно быть известно, что в конце прошлого столетия американский астроном Фрэнсис Дрейк в результате многолетних поисков в Аресибо, – как в теории, так и в практической деятельности, – пришёл к открытию формулы, сам факт наличия которой окрылил легендой и обессмертил его имя в науке. Сделанные им выводы придали новое звучание дальнейшему развитию астрофизики.

$N_{ц} = N_{зв}FL / T$ – Желдин выводил мелом формулу на грифельной доске.

– Эта формула вошла в историю изучаемой нами науки как формула Фрэнсиса Дрейка.

– Николай Филимонов! – лектор неожиданно обратился к студенту – Объясните мне значение $N_{ц}$, составляющее первую часть данной формулы.

Требую объяснения, Желдин понимал, что смутил юношу, на его глазах постоянно отвлекавшегося от прослушивания лекций. Не ожидая такого поворота событий, юноша, покраснев, стал неуклюже выкручиваться. По этой части он ловко поднаторел за учебный период.

– $N_{ц}$ есть форм-мула к – косм – ми – ческих ц – цивилизаций, – на последнем вздохе трагично произнес студент. В аудитории ещё раз повторился его вздох, а за ним, – дружный смех и улюлюканье сокурсников.

– Над кем вы смеётесь? – преподаватель с вопросом обратился к аудитории, моментально стихшей от его слов.

– Я вас уверяю, коллеги, вам надо смеяться не над Филимоновым, а над самим фактом вашего отношения к сокурснику. Виноватых бьют, и плакать не дают. А вам надо плакать, причём горячими слезами.

В аудитории снова повторился смех.

– Ну, ваш смех уже переходит все границы! – Улыбка исчезла с его уст, и он обратился к студенту, покрасневшему до корней волос от такого публичного распытия.

– А вам бы, студент Филимонов, я впредь посоветовал бы внимательно прислушиваться к моим лекциям, прорабатывать их содержание, а не шептаться на задних рядах с девушками. – По залу пробежал лёгкий смешок.

– Сядьте, Николай, и ведите себя так, как подобает себя вести студенту вашего курса.

Сев на место, студент потупил свой взор. Желдин знал, что поступает сурово, но в душе ему было стыдно за студента. Он понимал, что и он в какой-то степени тоже виноват. «Значит, я что-то упустил, или у парня просто молодая кровь вскипает от игры гормонов», – подумал Желдин, произнося: Прошу прощения. Так, где мы остановились?

– На формуле, гипотетически доказывающей n – ое количество космических цивилизаций, – послышались голоса с задних рядов.

«Ага! – подумал лектор, – исправилась».

– Ах, да! Так вот. $N_{ц}$, согласно формуле, есть выражение числа цивилизаций, существование которых можно предполагать где угодно, будь это созвездия Скорпиона и Девы. Не является исключением и Орион, с его звёзд, согласно учению Живой Этики Рерихов, на нашу планету спустились махатмы, считающие себя Учителями Человечества. Следует учесть и то, что знаменитый астрофизик допустил вероятность их физического образа жизни вне зависимости от землян. Он предвосхитил появление астробиологии, – науки, изучающей биологические аспекты проблемы существования жизни на различных космических телах во вселенной. Новая модель миропонимания вписывает в себя очень многое, что нам было неизвестно. Вторая часть формулы Дрейка, – $N_{зв}$ есть n -ое число звёзд, вблизи и благодаря активности которых возникли КЦ, в чём-то сравнимые с Землёй. Но это лишь моё предположение. Значение L и есть среднее время жизни космических цивилизаций. А L и F в расчётах астрофизиков по настоящее время не могут быть рассчитаны и с малой вероятностью. Поэтому оценки колеблются от единиц до 10^6 в 6 степени. И по настоящий момент ситуация остаётся неопределимой.

При этих словах Желдин слегка поморщился. Он-то знал цену этой неопределимости.

– За последнее время, как в России, так и в международном сообществе, наблюдаются попытки создания модели позывного сигнала, в максимуме привлекающие к себе внимание внеземных цивилизаций, но они наталкиваются на большие затруднения. Казалось бы, очевидным то, что такой сигнал, с одной стороны, должен отличаться от сигнала естественного, но этого невозможно достигнуть. Это было бы равносильно идеалу, основываясь на нём можно выходить за рамки известных законов природы, и, как правило, противостоять им. Предположим, что пара сигналов, каждый из которых реально присутствует в природе, в действительности есть нечто общее, что их связывает. Но быть вместе и вместе существовать в условиях космического неустройства они не могут. В ньютоно-картезианском мировоззрении, если конечно мы не примем во внимание гипотезу об инопланетных формах жизни, это входит в явное противоречие с его фундаментальными законами. Принцип противоречия я сформулирую и разобью на несколько пунктов.

1. Чтобы увеличить мощност ь критерия искусственности, позывные сигналы должны сопровождаться множеством сигналов, которые один за другим посылает во внешнюю от планеты среду технологическая цивилизация. Этим самым ставится под сомнение мнение получателей о сигналах, как о естественной причине. В последнее время в разных странах мира стали в рабочем режиме запускаться объекты со сложными и дорогостоящими маятниками. Лично я, не знаю, как вы, сомневаюсь, что таким способом, возможно, обеспечить высокую вероятность решения проблемы дешифровки сигналов. Даже в наш век невозможно с точностью установить, что тот или иной сигнал, поступивший к нам с космической орбиты, носит искусственный, а не естественный характер. Применение, к примеру, закона увеличения степени идеальности систем для анализа проблемы критериев искусственности сигналов привело меня к пониманию второго пункта.

2. Самостоятельное существование сигналов в природе при заданных условиях невозможно. Это пахло бы мистификацией с уклоном в научную терминологию. Далее. В своих космических позывных использовать принцип запрета путём посылки сигналов, о котором сказано мной выше.

3. Чтобы обнаружить искусственный характер радиосигналов, поступивших к нам из космоса, вполне возможно использовать сигналы с несколькими этапами понимания.

4. Существует вероятность управления процессом принятия решений субъектом путём реализации управляющих сигналов и возможности их обнаружения.

...Лекция завершилась. Аудитория напоминала всеми забытого ребёнка. Отрывая взгляд от быстро опустевших кресел, Желдин стал консультировать нескольких студентов по поводу курсовых работ, Потом он засобирался домой и покинул помещение. После беседы со студентами он, было, направился на кафедру, но по пути к ней вдруг вспомнил, что оставил авто-ручку у своего друга.

«Эх, математик Игорь Сафонов. Сколько лет мы уже с тобой в одной упряжке, а дать себе отдых и побеседовать о жизни мы не вправе. Наука!» – астрофизик взгрустнул от этих мыслей. Ему вспомнилась студенческая жизнь. Он уже и не помнил, какое количество лет пролетело с того дня, когда они с Игорем в последний раз чувствовали себя студентами. Закрывая за собой дверь кафедры, он увидел его.

– Жив, старина? Здоров, здоров, дружище! – астрофизик дружески похлопал Сафопова по плечу – Давненько мы с тобой не виделись. О! У тебя в волосах появилась проседь. Стареем, приятель, стареем.

– А как твои дела, вечно юный старик? – спросил Игорь – Наслышан о последних твоих изысканиях. Неисправимый мечтатель. Всё ищем гуманоидов? Дерзай, пока есть воля.

– Знаешь, Игорь, – отвечает Желдин – в последнее время меня не покидает смутное предчувствие каких-то явлений, происходящих со мной.

Взглянув на Игоря, Желдин понял, что попусту потрясает воздух своими заботами. Сафонов, явно измождённый рабочим днём, слушал друга, время от времени позёвывая в ладонь. Бессмысленный диалог с таким человеком обнаружился быстро. Вежливо попрощавшись с ним, он направил шаги в свою лабораторию.

«Какая досада, – подумал Желдин с горечью – Подумать только, а ведь когда-то умел, и выслушать, и советом помочь. Что делает с нашими людьми наше незадачливое время».

По пути к себе он опять резко изменил привычный ход своих мыслей и, долго не раздумывая, поторопился выйти из здания. Оставив позади себя вестибюль института, он поневоле поёжился. На улице погода была сыровата, но безветренна. Ему нравилось, когда на улице цвела природа, вместо облаков наблюдалась просинь высокого неба, а привычные городские будни вселяли в людей здоровый оптимизм и стимул к работе. Он любил свой город, который подарил ему жизнь и знание, как в ней жить. Осматривая аллеиные деревца, радовавшие взор, он ни на минуту не прекращал думать о тех загадочных явлениях, которые, словно предостережение свыше, явились ему в этот погожий день, с ужасающей ясностью осветив тёмные лабиринты астрономических хитросплетений ума.

«Пару часов тому назад прошёл морозящий дождь, – подумал он – Природа, будто русская красавица, нарумянилась свежестью красок весны. Эх! Если бы иметь хоть мизерное представление об истинном предназначении всего и вся в этом мире, то и умирать, было бы не жаль. Наша беда, как учёных, состоит в том, что в своей работе мы поменяли живое созерцание природы на отвлечённые понятия, не имеющие и того грана прелести, которая присуща животным и растениям. Никто из нас и не подумает о том, какие еще непостижимые таинства вершит природа за стенами нашего научного заточения. Неужели мы вырвались из плена материнской опеки Вселенной всего лишь затем, чтобы обособиться от неё в цикличности своего внутреннего пространства, простирающегося от бессознательного до высших форм сознания, как некий абстракт ощущений внешнего мира».

Желдин неторопливо шел по асфальту аллеи, ухоженной заботливыми руками студентов – биологов. Красавцы тополя, с обмытыми листьями распустив почки навстречу ласковому солнышку, замерли в пылу роста. Властно наполнив озоном кварталы города, весна была всем желанна. Прощумев дождем, громоносная туча разрядила было воздух, вокруг дышалось легко и лица уставших от зимы людей светились радостью. День, клонившийся к багряному своему закату, всему придавал жизненные тона. Город ожил и стал немного чище. Наслаждаясь природой, отсчитавшей в его жизни ещё одну весну, Желдин в задумчивой манере стоял у фасада здания библиотеки. Оглядел колоннаду и покачал головой. В отреставрированных стенах шла подготовка к летним экзаменам, а сам вуз ожидал приёма заявлений от абитуриентов. Но что-то мешало ему лучше размышлять, и это порядком стало ему надоедать. Стараясь найти разумное объяснение своим странным ощущениям, в своих мыслях он прощупывал источник подозрительности, побуждающий к столь неприятным ассоциациям.

«О, Боже! На всё твоя воля!» – прикладывая к виску носовой платок, преподаватель не в силах был отреагировать на состояние, угнетающее самочувствие. Силясь не выдать себя ничем, он с поддельной беспечностью продолжал глядеть в небесную высь, бросающую в лицо ласково греющий солнечный луч.

«Невероятно, но мне сдаётся, что помимо своей воли я стал объектом чьей-то слезки. – При последней мысли он брезгливо поморщился. Голова раскалывалась от тайн. – Даю свою руку на отсечение, если сейчас к моей спине не прикован взгляд Чужака».

Резким поворотом головы, кидая взгляд через левое плечо назад, к своему большому сожалению он не обнаружил никого. Скверик был пуст, разве что мамыши прогуливались по нему со своими чадами.

«Похоже, что твоя идея о космической цивилизации кому-то очень не нравится, или, наоборот, заинтриговала». Тут он, соблюдая в движениях предосторожность за сказанные вслух слова, в шутку обронил фразу: Эй, вы! Я приглашаю вас на мои лекции.

Вдруг в его воображении всплыла картина двух кресел в той аудитории, где ему особенно интересно было проводить свои лекционные занятия. Восстановив в памяти её ход, он вспомнил, что в тот момент кресла были пусты. Обладая феноменальной памятью на лица, Желдин в порядковом исчислении называл каждого, кому принадлежало то или иное кресло. Желдин, сам поборник ежедневных посещений своих лекций, вспомнил и то, что зияние пустых кресел так и не было заполнено Дагосом и Лотманом: это красноречиво подтверждало их отсутствие.

«Мне непонятно! – он нахмурился. – Такие славные ребята, они обычно всегда посещали мои лекции. Что помешало им быть в последний раз? Надо разобраться».

Переключив своё внимание с ребят на проблему, вновь настойчиво напомнившую о себе, он поспешил в лабораторию.

Глава 4

ТАЙНА НЕБА И ЗЕМЛИ

«Небесная история и небесная судьба человека предопределяет земную судьбу и земную историю человека».

Н. А. Бердяев. «Смысл истории».

Сказано – сделано.

Свершив задуманное действие, студенты спали безмятежным сном. Их ровное дыхание свидетельствовало о спокойствии, а раскрывшиеся перед ними врата сновидений, – о примирении с совестью. Но в лесу было по-иному. Ветер с беспощадной силой обдувал деревянные строения терема-лаборатории, неся в своих холодных потоках напоминание об ушедшей осени. Редко кто из местных жителей заглядывал сюда, обременённый думой о зарабатывании хлеба насущного, всё это создавало вокруг терема обстановку, благоприятную для его хозяев. Изнурённые ночным рейдом к радиотелескопу, они так прекрасно спали, что приди они в то утро сюда, вряд ли обратили внимание на отпечатки подошв чужих ботинок, отчётливо проступившие на пропылённом полу. Решив в другой раз проведать уютный терем, Всеволод Максимович, на которого со стен лаборатории взирали научные авторитеты, со смутным предчувствием покинул его и вернулся к себе.

Посланный в космос радиосигнал, покинув воду в атмосфере, что защищает нас от космической радиации, совершал дрейф по окрестностям Солнечной системы, без препятствий проникая в дали спутников и планет. Вселенная жила по своим правилам, рождая новые галактические туманности, протозвёздные образования и межзвездную пыль, зачатки разума: вечная эстафета жизни и смерти подчёркивала вехи её эволюции. Жизнь на Земле продолжала идти своим ходом, когда радиосигналом были оставлены позади гряды астероидов, гигантскими бусами рассыпавшихся в орбитальных сферах Марса и Юпитера. Планеты совершали свой космический путь. Преодолев пылевидную гряду, собой рассекавшую видимый участок Млечного Пути, суть спиральная галактика с перемычкой из ярких звёзд, выходящей из центра и пересекающей галактику посередине, он направил свой космический вектор к иным звёздам. Он держал путь к мирам, познание и суть которых, как тайна философского камня, остались вне пределов человеческого рассудка. Несколько сот малых циклоидных планет и спутников остались позади. Достигнув гравитационных границ едва заметного спутника, что затерялся в мириадах звёздных систем, радиосигнал в мгновение ока был перехвачен антенным устройством. Орбита планеты Зет-Игрек-Альфа, где присутствовало оптимальное соотношение света и тепла, и чья атмосфера не отражала, а наоборот, принимала «радиошум» Вселенной, оказалась восприимчива к внешним раздражителям из глубин космоса. Послание перехватил житель планеты, что была в «поясе жизни», удалена на безопасное расстояние от звезды. Принятый радиосигнал преобразовался в изображение. Приступив к его расшифровке, он быстро выявил серию сигналов смыслового характера, поступивших из далёкой спиралевидной Галактики. В его практике местного учёного приходилось получать и не такие сигналы, но последний имел особенность, где-то в его подсознании приобретшую знакомый профиль. Обуреваемый возникшими переживаниями, он извлёк из термостойкого шкафа посережнюю от долгого хранения таблицу, и с её помощью занялся дешифровкой позывных, чьё звучание он вложил в блок памяти системы, работающей в быстродействующей приёмно-информационной установке. Дрожащей рукой, подавая команды, он жадными глазами пожирал табло. На экран выводились нужные ему данные, цифры и буквы пробегали перед его взором. Каково же было удивление Тхары-Чандро, когда на мониторе высветилась схематичное изображение радиосиг-

нала. Волнуясь, он встал и с картой поспешил к выходу из пульта управления космическими сообщениями. Потомок древних ариев понял, что в форме чёрточек и линий, при слиянии образующие профиль человека, он перехватил раскрытый конверт-послание n-ой цивилизации к другим. Он без особого труда догадался о том, что сигнал пришёл с орбиты ничем непримечательной планеты одной из систем звёзд, расположенном в туманном поясе Млечный Путь. Сколько раз ему приходилось летать в эту удивительную галактику, сколько раз возвращаться в родную звёздную гавань с новыми знаниями и коллекциями земной природы, не поскупившейся на щедрость и в периферийных областях Вселенной. Карта, которую в своих руках держал Тхара-Чандро, была известна землянам как таблица Менделеева. От нахлынувшего на него волнения он заходил по огромному беломраморному основанию лаборатории, чьи гигантские корпуса раскинулись по всей, недавно высвободившейся из-под неволи орионцев планете. Он долго не мог совладать со своим возбуждённым состоянием, пока ему не вспомнились слова древней легенды. Именно древние истории пишутся на звёздах. Дедушка рассказывал мальчику удивительную историю о планете Земля, о том, как ему будет тоскливо, не увидев берегов Инда, умирать в чужеродной галактике. Но то, что свершилось, то и произошло, ибо сама вечность всё уже заранее предугадала. Ему вновь представилась картина, ясно отпечатавшаяся в его воображении. Снедаемый внутренним любопытством, у статуи он начал продумывать детали полученной схемы.

«Каждый химический элемент при излучении даёт один и тот же набор линий. Профиль гуманоида проявляется цифрами 6, 7, и 8, – соответственно это земные химические элементы, – углерод, азот и кислород. Своим атомным составом они определяют основу дыхания живых существ, как Земли, так и планеты, где я нахожусь».

Вблизи глаз фигуры Тхара-Чандро обнаружил химический символ живительной влаги, столь необходимой для функционирования биологических организмов. Внимательно присмотревшись к мельчайшим деталям субъекта, который реально существовал в земном мире, старик насторожился. Вокруг головы гуманоида и чуть-чуть поодаль от неё, чётко вырисовывался спектр световых оттенков, в силу своего предназначения, сгруппированные в четыре линии. Расплывчатость границ для исследователя не создавала затруднений раскодировать видимый спектр. Наоборот. На рисунке, составленном из расшифровки содержания радиосигнала, была явно заметна тенденция к логической последовательности событий, происшедших в пределах другой звездной системы, и непонятных для него. Исходя из этого, Тхара-Чандро рискнул предположить, что же, по сути, несла в себе эта информация. Пытаясь классифицировать поступившее извне планетное послание, он подошёл к вычислительному центру. Лаборатория была кузницей, воплощающая в жизнь его мечты и замыслы. Он не в силах был представить себе своё будущее без конкретной работы, вносящей благо в климат планеты. Транспортировка необходимого материала осуществлялась по челночному маршруту, действующему бесперебойно на протяжении ряда астрономических лет. Сбой в системе был чреват нарушением всей работоспособности идеально отлаженного механизма коммуникаций между удалёнными объектами звездной системы S, в ней сконцентрировалось столько межзвёздной пыли и газа, что на слайдах система выглядела кажущимся монолитом. На самом деле она была разъединена миллиардами звёзд и кружащих вокруг них планет. Научно-исследовательский организм планеты подпитывался энергией межзвёздного газа, его космияне перерабатывали и использовали для своих нужд. Но не это сейчас владело им. Прodelав пальцами руки графические прообразы излученной спектрограммы, он опять нажал на ряд клавиш, и стал наблюдать за монитором, где высвечивался профиль гуманоида. На экране чётко отобразились линии частиц тяжёлых металлов. Сверив свои расчёты с данными компьютерных вычислений, Тхара-Чандро в уголке таблицы написал символы элементов, присутствующие в содержании радиосигнала, – 92, 94, 96 и 88.

«Да это же порядковые номера урана, плутония, кюрия и радия» – Тхара-Чандро помрачнел, его блуждающий в пространстве взгляд остановился на скульптуре из позеленевшей бронзы. Когда-то она стояла на задворках ракетно-космического комплекса колонизаторов из созвездия альфа Лебеда. Она, по словам его ученика Гленна Сайра, стояла там поникшей от холодного мрака, одевшего изваяние в иней и в корочку льда. С молчаливой грустью взгляда, полного отрешённости от космической суетливости, и, коловерти бытия, она в вечном безвременье застыла в его лаборатории. Её мраморная статья не воплощала в себе объёмно-пространственного изображения предметов и явлений красоты, что пытался, было воплотить в ней неизвестный ваятель. Изобразить вечность в значении жестов для ваятеля означало разгадать загадку мирового бытия, заложенную в женском естестве. Тем самым он постиг бы смысл своего скромного творчества. Им делался акцент на то, чтобы поймать первое впечатление от натуры, он её ваял спонтанно, в состоянии сильного эмоционального возбуждения от видения прекрасного. Вероятно, он был сильно огорчён, когда скульптура не стала носителем качеств, которые он первоначально старался отобразить в куске мрамора. Словно предугадывая намерение своего творца, она стала постепенно оседать в основание грунта, время от времени сотрясавшегося от грохота и рёва космических кораблей, прибывающих на космопорт и удаляющихся к звёздам. Творец по неизвестным причинам бросил трудиться, ибо не осуществилась его мечта об идеальном воплощении Вечности в образе Женщины, – хранительницы жизни в космосе. Его огорчение можно было понять. Вечность не могла воплотиться в его творении, это было бы равносильно абсолютному познанию Вселенной, а оно невозможно. Тхара-Чандро молчаливо созерцал безобразность форм.

«Вот она, сестра совершенства, гармонии и красоты!» – подумал он. В самом акте недоработки мраморного материала, умудрённый опытом старик знал, в чём ваятель воистину оказался мастером своего дела, а в чём, – нет. Ваятель скульптурного творения доказал своему неведомому ценителю, что ни один предмет, искусственный или естественный, не вечен, а лишь способствует изменению, суть вечность. Судьба ваятеля канула в космическую неизвестность, а вот скульптура оказалась в лаборатории Тхары-Чандро. Для него она символизировала нежный, но в тоже время отпугивающий голос Тайны, над ней учёный, выросший и возмужавший в ледящих душу просторах Космоса, бился, пока был жив. Ценителем прекрасного немного времени простояв перед ней, он повернулся и направился в свой рабочий кабинет. И сейчас, глядя на систему, в чьих пределах светился порядком надоевший ему профиль человека, Тхара-Чандро терялся в догадках. Ему было непонятно, откуда же исходил тот или иной элемент, и какую роль он играл. Он многократно и скрупулёзно перепроверял свои вычисления и расчёты. Понимание всего происходящего ему никак не давалось. На этот раз компьютер оправдал ожидания космического жителя, высветив на своём табло загадочный чертёж неизвестного, но в реальном плане физически существующего аппарата. Тхара-Чандро всё понял, увидев подробности проекции. Он обрелся на планете Земля.

«В лице представителей планеты Земля Солнечная система, может быть сама того не подозревая, владеет оружием, чья поражающая способность нам пока неведома. Перед его поражающей силой не сможет устоять никакая высокоразвитая цивилизация. Не понимать этого, значило бы для нас впасть в бегство от мира, это неминуемо нанесло бы смертельный удар по нашим преступным бездействиям. Сигнатура тяжёлых элементов говорит сама за себя. Слава Шакья-Муни, что в просторах Метагалактики существуют космияне, типа меня, которые осознают трагизм наступающей эпохи во взаимоотношениях между Землёй и Космосом. Мы чувствуем так же, как и люди. Бесконечно враждую друг с другом, земляне могут нанести неизмеримо больший ущерб нравственным устоям жителей космоса, нежели они нанесут себе подобным. Пока для нас ещё не пришло время расплачиваться за аморальные поступки землян. Надо как можно быстрее повернуть события, разворачивающиеся вразрез с интеллектом космиян и чреватые вселенской катастрофой, – в русло космической стабильности. Но как это

предпринять с наименьшим риском для себя?» – размышляя, таким образом, космиянин остановился у статуи. Бесформенная глыба мрамора покоилась на месте. На душе старика было гадко. И тут Тхару-Чандро озарила безумная идея, которая поспешила облечься в очертания хитроумного плана, так как его опасения требовали от него решимости действовать. Дальше, туманным взглядом осматривая панораму звёздного неба, он углубился в тёплые воспоминания о прадеде, в его удивительные рассказы о планете, подёрнутой голубой дымкой атмосферы. Земля не могла оставить его равнодушным.

«Самым большим доказательством разума в космосе является то, что никто не хочет вступать с землянами в контакт. Как любящий потомок, я должен предотвратить катастрофу моей далёкой Праматери, живущей в кругу остальных восьми планет». – Мысли Тхары-Чандро уносились далеко за пределы родной планеты.

В аудиториях ИКИ проходили лекции, семинары, научная жизнь накапливала у студентов новизной знаний, а у некоторых из них уже шла подготовка к экзаменам. Всё, может быть, шло бы и дальше своим чередом, пусть и в надоедливо серых тонах, но в один прохладный день, частый для местного климата, на ступеньках института появилась девушка, чьё присутствие сыграло роль детонатора общественного спокойствия. Студенты, сразу приметившие в своей среде несловоохотливую незнакомку, стали докучать её расспросами, стараясь войти к ней в доверие. Незнакомка, воспитанная в строгих традициях, не удосужилась уделить ожидаемого внимания кому-либо из тех студентов, которые, забыв все рамки приличий, нагло навязывались ей в попутчики, по дороге неся всякий несусветный вздор, слушать его она не изъявляла большого желания. Странная молчаливость, как это не злило ветреных студентов-ловеласов, сопровождала её повсюду. Сайфур и бровью не повела. И вскоре от неё отстали самые прилипчивые ухажёры. Собственно говоря, в данную минуту ей было не до них. Пройдя с замиранием сердца длинную вереницу научных кабинетов, она тихонько постучала в нужную для себя дверь.

– Да, да! – на стук отозвался грубый голос мужчины – Войдите, дверь не заперта, открыта.

Толкнув массивную дверь, девушка отступила назад. Эта комната не была кафедрой, как она поначалу подумала, она попала в рабочий кабинет преподавателя, к тому же обставленный дорогостоящими приборами. Здесь между ними и произошел разговор.

– Здравствуйте! – поприветствовав, вошедшая сюда девушка осмотрелась, и сделала вид, что была ничуть не удивлена беспорядком в кабинете.

– Здравствуй, здравствуй, прекрасная незнакомка! Зачем пожаловали к нам?

Девушка, верно угадав мысли обернувшегося к ней лицом астрофизика, ответила: В силу некоторых семейных обстоятельств, которые очень важны. Я очень просила бы Вас, если это возможно, о своём зачислении на этот курс вольнослушателем.

Ответив так, незнакомка при этом как-то странно бросила взгляд во двор института. Горячий, и неестественный. Сердце Желдина кольнуло, он пристально взглянул на неё. «Не может быть! Она и есть та, кто в последнее время преследует меня?» Не придав любопытству учёного серьёзного значения, она любовалась верхушками тополей, позолоченных брызгами солнечного света. Тут астрофизика повторно проняло, – в девичьем взоре ему открылось слишком знакомое и причудливое сходство с каким-то своим прошлым. Но с каким? На мысленно поставленный вопрос, астрофизик терялся с ответом, он не знал, что именно он должен вспомнить. Сам себе, признаваясь в нечаянной забывчивости, Желдин в адрес девушки сделал словесный выпад, ироничную остроту которого она вряд ли от него ожидала:

– Милая девушка! Объясните, пожалуйста, что это значит. Простите меня за навязчивый вопрос: откуда у вас, при вашей молодой красе, такая прямо-таки ракетная тяга к знаниям? Были в школе отличницей, или это хобби? Давно интересуетесь наукой, или это чистой воды

карьеризм, желание выбиться в люди? любопытство? Неужели в таком возрасте, и в наше коммерческое время вас влечёт к учебникам, когда вокруг большинство из ваших ровесниц интересуется вещами, далёкими от прочтения полезных книг?! Вы что, всерьёз решили понять такую не очень понятную, но интересную науку, как астрономия?

– Наука о звёздах давно пленила моё воображение, я с детских лет грежу звёздами, они самые лучшие мои друзья, – понимая, что в вопросах учёного заключается его хитрая уловка, отвечала девушка – В вашем институте мне хотелось во всех подробностях постичь её законы. Хотя, честно признаться, некоторые моменты в этой науке я плохо усваиваю.

– Какие такие моменты? – спросил Желдин, чувствуя подступающий к горлу комок самолюбия.

Приглядевшись к его лицу, девушка в морщинистых чертах угадала скрытую и лукавую усмешку.

– Я очень неважно разбираюсь в казуистике математических формул, однако они не мешают мне на практике с замиранием сердца замечать её сильные стороны. Она необходима для расчётов космических скоростей, вращений спиральных галактик, планет и многих других небесных тел. Тем самым она превращается в науку-практику, разумеется, и не без некоторых отвлечённых положений.

Преподаватель восхитился и посмотрел на девушку. Она была не так проста, как казалась. Всем сердцем он чувствовал, что познания незнакомки, может быть в силу непонятной для него таинственности не приземлены. Наоборот. В душе этой благородной красавицы просыпается нечто такое, что ещё ею не осмыслено, но рано или поздно заявит о себе в полный голос.

– Кем по профессии является ваш отец?

– Мой отец так же, как и вы, – астрофизик!

При этих словах брови Желдина взлетели вверх.

– Работая в другом городе, – продолжала она – он от своих коллег по работе услышал, что в районе Сибирского Академгородка есть наделённый даром слова учёный, зовут его Всеволод Максимович Желдин, который в своей работе отлично связывает проблемы астрофизики с глубинами индивидуального характера. Этой вестью он поделился со мной, и я загорелась желанием прослушать курс ваших лекций. Отец, было, хотел приехать сюда вместе со мной, но ссылаясь на занятость, категорически отказался от своего намерения. Он сильно сожалел, и прислал меня сюда к вам с заочной просьбой устроить на три месяца вольнослушателем. Вероятно, – она виновато пожала плечами, мой отец из той категории людей, которые желают раз увидеть, чем сто услышать.

Внимательно слушая девушку, и с удовольствием изучая манеру девушки держаться с ним непринуждённо, астрофизик невольно себе заметил, что его всего обуяла гордость за свой предмет. Для него незнакомка являлась как бы предвестием безоблачного лета, а она увидела перед собой незаурядного учёного.

– Как ваша фамилия, незнакомка! – приготовив лист бумаги и авторучку, поинтересовался Желдин.

– Нурхатова!

– Вы что, родом из Средней Азии?

– Можно и так сказать, – прозвучал ответ.

– Как вас зовут?

– Сайфур!

– Хм, необычное для слуха имя!

Ещё раз, для убедительности проверив глазами листок, астрофизик положил на стол короткую выкладку данных. Девушка вся обратилась в слух.

– И так! – кашлянув в кулак, произнёс Желдин – С этого часа вы зачисляетесь под мою ответственность вольнослушателем на физмат. Сроком на три месяца. Вам это понятно, Сайфур Нурхатова?

Девушка была приятно ошеломлена, не смея поверить в то, что случилось.

– Да! – робким голосом подтвердила она – Вы, Всеволод Максимович, так добры ко мне, что у меня нет слов, достойных оценить ваше решение. Если вы не возражаете, то я попросила бы вас помочь мне снять жильё где-нибудь в пригороде, а то, – она, пряча в глазах смущение, потупила в пол взор, – а то мне негде прожить.

Выслушав просьбу, Желдин явно недоумевал. Девушка, поняв свою оплошность, в мягкой форме попыталась её исправить.

– Наверно, на ваш взгляд, я требую слишком многое. Поймите меня правильно, господин Желдин, я не хотела бы любезно вами предоставленные три месяца проводить в гостинице.

– Пусть будет по-вашему! – не без озорства он подмигнул ей – Рассчитывайте на меня, я устрою все ваши проблемы!

От такого внимания лицо Сайфур просветлело.

– Вот и прекрасно! – улыбнулся астрофизик – А теперь прощайте, до завтра.

– До свидания!

Девушка собралась было покинуть кабинет, но голос учёного заставил её задержаться у двери: Я надеюсь, что астрономия станет вашей профессией, если не призванием. Женщину красят звёзды, и думаю, вы будете звездочётом.

Сайфур вновь улыбнулась.

– Чуть не забыл, но напомнить вам будет нелишне! – астрофизик лукаво посмотрел на неё. – Будьте так добры, Сайфур, не сводите наших крепких парней с орбиты разума, а то невзначай вы станете предметом игривых обсуждений, а мои лекции, – предметом пустословия.

В ответ учёный услышал тонкий девичий смех.

– Хорошо! – отсмеявшись, согласилась она – Пусть будет по-вашему.

Желдин не смел её более, задерживать. Пожелав ему всего хорошего, она вышла из кабинета в коридор. В нём было пусто. Во дворе задумчивость Сайфур успела улетучиться, её впечатлила тишина обычно шумного института. Весенний запах деревьев оказывал на неё успокаивающее влияние, но она не забывала о беседе, что прошла недавно, оставившая в её настроении свой неизгладимый след. Тут ей на глаза попался радиотелескоп.

«Удивительно. – Подумала она, застыв у местоположения башни – Почему раньше я не заметила её?».

Обращённый к самой себе вопрос не находил ответа. Конструкция сооружения, дискообразной чашей устремившаяся к звёздным далям, манила сибирских учёных к дальнейшим предположениям об истории возникновения Космоса. В последнее время судьба благоволила к ним, и тень озабоченности за будущее развитие Вселенной легла на чело Сайфур.

– Что, любуетесь? —

Девушка вздрогнула, где-то в её подсознании утонуло желание обследовать радиотелескоп, а это ей так хотелось сделать. Она была подавлена. Увидев азиатку у радиотелескопа, астрофизик закрыл окно. Решив для себя, что пришло время перерыва, и, желая отдохнуть на свежем воздухе, а заодно и поговорить с девушкой, Желдин покинул кафедру. Застенчивая таинственность Сайфур, не свойственная её одногодкам, пробудила в нём научный интерес.

Оставляя позади себя ограду, он неслышно подошёл к Сайфур.

– Телескоп, как гласит закон астрофизики, звёзд не приближает. Но с его помощью исследователь увеличивает угол зрения, под которым он видит определённый участок неба. Прошу извинить меня за неожиданный визит, и за беспокойство, которое я причинил вам. – Снимая очки, произнёс Всеволод Максимович – В мои годы простительно многое, Сайфур, что допу-

стимо моралью. Знаете, драгоценные минуты отдохновения нелегко даются мне, но я не пожелаю истратить их в вашем обществе. Вы, – удивительный человек.

Девушка пронзила Желдина взглядом, в нём он отметил надменную самоуверенность.

– Что вы! – услышал он в ответ – Вам и не стоило извиняться за такие пустяки. Замечтавшись, я как-то и не допускала ту мысль, что вы пожелаете побеседовать со мной сейчас, а не завтра.

С симпатией восприняв её слова, Желдин в знак состоявшегося знакомства крепко пожал ей руку. Улыбка так и светилась на его губах. Погружая правую ладонь в пиджак, оттуда он извлёк клочок бумаги, где красивой прописью виднелись неказистые закорючки.

– Это адрес! – заметив её непонимание, пояснил Желдин – Я хотел бы, чтобы вы не тратили свои деньги, а бесплатно поселились там, не нуждаясь ни в чём. Еду и время для занятий я вам гарантирую.

– Улица Садовников, 26. Желдина Галина Петровна, – взяв из рук учёного небрежно помятую записку, вслух прочла Сайфур, и спросила: А кто такая Галина Петровна?

– Галина? Хм! – слегка хмуря брови, озадачился Желдин – Эта женщина приходится мне двоюродной сестрой. По отцу. Её характер есть одни сантименты. Верю, вы быстро найдёте с ней общий язык. Я это предрекаю. Прискорбно, но факт есть факт. Недавно у неё скончался супруг, с кем она прожила 35 лет. Убитая горем Галя теперь живёт одна-одинёшенька. Бедняжка! Она так и не смогла примириться со смертью мужа, и чтобы не сойти от горя с ума, она придумала, как себя вести. Она любит долгими часами сидеть в скрытой садовой ежевикой беседке, наслаждаться гармонией природы. Её понять можно, так ей будет легче оправиться от непоправимой утраты. Полагаю, она к вам привыкнет. Я очень надеюсь, Сайфур, что вы станете утешением в её безграничном горе.

Добродушные глаза Сайфур лучились нежностью к таким благим намерениям. И он неожиданно для себя обнаружил, что ему с ней хорошо.

– Спасибо вам за доброе сердце, которое имеется в вашей груди, – поблагодарила она – Частица тепла, уделённая вами людям, найдёт благодарного адресата.

Излучение её улыбки приятно ранила в сердце Желдина.

– В случае неотложных вопросов позвоните мне на этот номер, – с этими словами он протянул ей второй лист.

– 32-34-92. – прочитала она.

...Сайфур стала аккуратно посещать лекции, с интересом на лице записывая в тетрадь всё, что говорил астрофизик. По силе продуманности его лекции вселили в её воображение маленьких троллей сомнения, и убедили девушку в авторитете Желдина среди студентов. Учёба учёбой, но девушка стала всё чаще и чаще подмечать за одним студентом неотступный от себя взор. Блеск девичьих глаз туманил ему голову. Когда она проходила рядом, этот парень, молча, провожал её робким взглядом. Стоило ей, к примеру, пойти поболтать со сверстницами в кафе, или на перерыв, как его тень воздыхателя маячила невдалеке от неё. Сквозь толщу сомнений Сайфур догадывалась, какие чувства владели парнем, вследствие этого открытия она не подавала повод, который бы шёл навстречу светлым грёзам бедного от любви студента. Это был Виктор. Заметив разительную перемену, пламенной стихией пронёсшуюся в душе кроткого Виктора, сокурсники скоро нашли причину, послужившую прелюдией для смешных сцен. Сразу же после окончания лекций студенты гурьбой следовали за Дагосом, на каждом шаге напоминая ему о том, что он, как пылко влюблённый, обязан первым проявить романтическую инициативу, и как даме своего сердца, предложить Сайфур сочный букет чувств и помыслов, на что парень отмахивался от них, как от надоедливых слепней. Вскоре все поняли, что шутки над ним останутся без ответа, и они немного уняли свой задор. Да и было ли у Виктора свободное время, чтобы расплыть кругозор собственного интереса к чужим подшучиваниям. Не добившись желаемого результата, проницательные студенты перенесли объект своих шуток

с Виктора на Сайфур. В прямой форме они стали объяснять ей, что с её стороны было бы жестоко и бессердечно оставлять без внимания возвышенные чувства юноши к своей персоне.

– Ты ведь не гранит, а воск свечи. Тая, он становится всё краше и ярче! – говорили они ей.

Она, молча, слушала их речи, не придавая им серьёзного значения, и этим обижала всех. Можно было подумать, что она существует, и с то же мгновение куда-то исчезает. Этот курьёз давно подметили за ней подруги-студентки. Желая не наносить удар по её замкнутости, они как по команде оставили девушку в покое. Но студентки не студенты, хотя и последним пришлось разочароваться в той, которая восхитительно вела себя в роли некоего громоотвода. На её поведение абсолютно не действовали словесные громы и молнии сокурсников Дагоса. Безразличная ко всему происходящему вокруг неё, она без особого чувства глядела на вопросительные лица студентов, этим давая понять, что живёт вне коллектива, живёт в своём мире, приятном ей и полном отчуждения от всех. Во время чтения лекций, Желдин также невольно обращал внимание на поникшую над тетрадью голову загадочной девушки. Она аккуратно записывала на страницы все его фразы, и в душе не мог не порадоваться, что она не нарушила негласной клятвы, а изо дня в день продолжает заниматься самообразованием. Ради любопытства желая узнать, что же она записывала в тетрадь, когда он делал паузы, он дождался нужного момента. Была краткая перемена. Покинув кафедру, Всеволод Максимович в аудитории, бережно взяв в ладони синюю тетрадь, наугад открыл её. Там значились туманные вычисления, в суть которых, применив всю силу своего интеллекта, он так и не смог проникнуть.

«Да у тебя, моё дитя, мышление космиста!» – подумав так, он сам поразился своей мысли. Она была так необычна и верно отражала стиль поведения Сайфур, что Желдин поспешил отстраниться от неё, и взглянуть на страницу. Она завершалась короткой чередой строк: «Планиета, населённая существами с низкой степенью нравственного развития. Назревают какие – то события. Звёзды начеку, на страже». Далее запись прерывалась умозаключениями загадочного толка.

«Сайфур. – думал астрофизик – У тебя богатое воображение».

Положив тетрадь на место, он подошёл к окну. За ним светило солнце, громко щебетали, как капризные дети, птицы на пологой крыше, а Всеволод Максимович пребывал в растерянности.

«Солнечный Узбекистан и проблемы астрофизики в случае Нурхатовой как-то не вяжутся друг с другом».

Он посмотрел на дверь. Стала прибывать группа студентов, пошёл второй час лекции. Молчаливая и необъявленная война с каждым новым днём продолжала размежёвывать студентов и Сайфур. Её этот казус нисколько не смущал. Наоборот. Кажется, она была рада этому.

Глава 5

Ребус Сайфур

Двоюродная сестра астрофизика, как замечали все, кто навещал её, на редкость оказалась сердечной женщиной. Когда Всеволод Максимович в потёртом пиджаке вновь появился на пороге её дома, она обрадовалась, и, кутаясь в платок, вся подалась вперёд ему навстречу. Девушка тоже не заставила себя ждать, а просто взяла, и вошла в дом, в тот момент, когда Желдин говорил о житейских невзгодах Сайфур. Брат и сестра остались стоять на пороге. Галина Петровна с пониманием отнеслась к его словам. Действительно. Сайфур нуждалась в жилье, и его сестра, после некоторого колебания согласилась предоставить девушке отдельную комнату. До появления девушки в своём доме Галина проводила дни то за работой в огороженном саду, то за чтением книг. Газет она терпеть не могла, и ни одна душа в мире не могла понять её страданий, доставлявших ей невыносимую муку. Девушка пленила женщину своей непоказной добротой, и теперь, когда та была рядом с ней, Галине не нужно было предаваться печали и тоске, а лишь радоваться молодости, что скрашивала серость дней. И так бы повторялось со дня на день, пока возникшие подозрения Галины, державшиеся на зыбкой почве «не может быть», вскоре не укрепились вескими доказательствами. Нет-нет, но женщина стала замечать за Сайфур непонятные и странные исчезновения. Девушка возвращалась домой в ту пору, когда ночь властно напоминала о себе в безмерно далёких частях космоса. Поначалу Галина не придавала никакого значения открытию Сайфур в новом качестве, но с течением последующих дней, когда та вновь и вновь покидала приютивший её кров, любопытство, дотоле безобидно дремавшее в Галине, заявило о себе. Решив рассеять возникшие сомнения, Галина Петровна стала действовать медленно, но верно. Быстролётное время дня кануло в прошлое. Наступила вечерняя пора, предвестником чего явились блеск первых звёзд и тонкий рожок луны на темнеющем небосклоне. Настенные часы пробили полдвенадцатого. В соседней комнате, что прилегал к домашней библиотеке, было необычно тихо. Сайфур, лёжа на разобранной кровати, читала какой-то детектив Чейза, но Галину провести вокруг пальца было сложно, она знала, что девушка убивает время не зря, а старается усыпить её бдительность.

«Клин клином вышибают. Посмотрим, кто кого перехитрит» – после этих мыслей Галина решила пойти тем же путём, что и постоялица. Разобрав пахнущую ландышем кровать и включив ночной светильник, Галина в ночной рубашке легла. Притворившись, что вся отдаётся власти сна, она стала прислушиваться к стене, за которой находилась Сайфур. Ворочаясь с боку на бок, Галина ни на миг не теряла внимание к соседней комнате. Слухом, уловив шаги девушки, женщина закрыла глаза. Свет голубыми лучами падавший на «уснувшую», внезапно потух. Весь дом погрузился во мрак. Галина поняла, что девушка, на цыпочках ступая по полу, вышла из своей комнаты и отвинтила пробку на счётчике. Закрыв дверь, специально оставленную Галиной чуть-чуть приоткрытой, Сайфур вернулась к себе. Улыбка скользнула по лицу всё понимающей Галины. Сайфур ничего не заподозрила. Резво встав с кровати, она надела тапочки, и без шума прокралась к закрытой двери. До сознания Сайфур не дошло то, что Галина всё могла слышать. Одеться в одежду для неё не составило большого труда. Выиграв у девушки время, Галина заглянула в замочную скважину, – так и есть, дверь распахнулась. На пороге с сумкой стояла Сайфур. Наивно считая себя незамеченной, в то время как испуганная Галина, затаив дыхание, наблюдала за ней из темноты, девушка, слегка морщась от напряжения мускулов, понесла увесистую сумку к выходу. Комната была залита лунным светом, и Галине показалось, что девушка свободно ориентировалась в темноте. Присутствие на горизонте звёзд ещё больше взволновало Галину, с суеверием относившуюся ко всему, что происходило в торжестве ночи. Девушка тихонько затворила за собой дверь. С опаской выпорхнув

из дома, особняком стоявшего на изгибе городской улицы, Сайфур перешла давно опустевшую улицу, делая над собой невероятное усилие, чтобы остаться незамеченной двумя местными алкоголиками. Они, из горлышка хлебнув водочки, ретировались с глаз восвояси. В след ей, крадучись, шла Галина. Женщина не упустила из виду ни одной из тех перемен, что отразились в движениях девичьей тени. Естественно, Сайфур не замечала Галины, следившей за ней. С беззаботной уверенностью продолжив свой маршрут, к ужасу Галины, она вышла за пределы города. Фонариком, освещая лесную тропу, Сайфур, наконец, достигла цели.

В ту ночь, когда Галина, вся дрожа от ночного холода, пронизавшего её с головы до ног, столкнулась с проблемой понимания Сайфур как личности, в общежитии ИКИ происходило следующее. Покончив с занятиями, Виктор нашел время досуга вполне полезным для починки радиоприёмника, что сломался на прошлой неделе. Ремонт закипел. На счастье юноши, любившего в абсолютной тишине возиться с радиодетальями, в комнате никого не было. Компания весёлых студентов, возглавляемая охочим до пирушек Николаем, в это воскресенье решила отдохнуть за городом, что у неё и получилось. Долго промаявшись со сборкой и привариванием, Виктор повернул рычажок в правую сторону, – радио функционировало отлично. Намереваясь помыть руки, он слухом уловил странные помехи. Диктор лондонского радио бойко комментировал передачу, посвящённую памяти Джона Леннона. Вдруг английская речь прервалась, помехи усилились и перешли в настоящую какофонию.

«Неужели приближается гроза? Этого ещё нам не хватало» – было, первое, что пришло на ум Виктору. Продолжая вслушиваться в удивительные срывы разных длин волн, студент уловил свист, похожий на порыв ветра.

– Прямо Вальпургиева ночь! – вслух произнёс он, и осёкся. Не веря своим ушам, он, тем не менее, засёк знакомый голос.

– Как слышно меня? Как слышно меня? – настойчивый голос Сайфур кого-то вопрошал в пространстве – Передаю на околоземную орбиту последние известия. Ваши координаты оказались точны, для более тесной связи я сообщаю о месте своего нахождения: Россия. Западная Сибирь. Пока адаптируюсь к климату планеты, и жду от вас инструкций. Бесспорно. Радиосигнал послан с предполагаемого земного радиуса, о нём свидетельствует факт внезапного выхода из строя радиотелескопа. Объектов, пославших его в систему, и таинственный аппарат я пока не обнаружила. Постараюсь установить достоверные данные об этих объектах. Продолжаю поиски.

Голос девушки потонул в приливе радиопомех, а когда появился снова, то Виктору слова и фразы расслышать не удалось. Оставив радиодиапазон на прежнем уровне, в пределах которого девушка вела передачу своего сообщения неизвестному объекту, Виктор выключил радио. Он был разбит. Валяясь на спине, на кровати с закинутыми за голову руками, Виктор долго размышлял. Он не знал, как ему поступить: сказать ли Николаю о случайно сделанном им открытии, или оставить всё так, как оно есть.

«Да, брат. – Думал он – Залезли мы с тобой в ужасную трясиину, и выбираться из неё нам придётся самостоятельно».

Про себя решив, что не пришло время объясниться с Николаем по этому поводу. Он продолжал думать о ней. В последнее время девушка, её образ, не выходили у него из головы, он ежечасно ловил себя на мысли послать ей письмо-признание, и попросить о встрече. Вдруг не откажет, отзовется.

«Дело принимает серьёзный оборот. – Потухшим взором, окидывая свежую побелку стен комнаты, он размышлял – Кто она, такая неразговорчивая? Откуда? И зачем, в принципе, нужны мы ей и наш аппарат? Кто её к нам послал?». Он никак не мог выбросить из головы вопросы, саранчой кружившие в ней. Отогнав от себя дурные мысли, он вдруг вспомнил

о радиопослании любимой девушки. Его неожиданно озарила мысль, она так им овладела, что Виктор, встав с кровати, стал ходить по комнате.

«Всё ясно! – назойливая фраза выстраивалась в уме студента в цепочку последних событий – Никакая она не Сайфур Нурхатова, а что-то непонятное. Неужели она повязана с мафией? Если это выглядит так, то становится понятным её поведение. Где-то просочилась информация об аппарате, и она от кого-то получила задание разыскать его создателей. Проболтался Николай? Мало в это верится. Она ищет Астродемос, его конструкторов. Слово не воробей, вылетело из уст, так его не поймаешь. Сайфур всего лишь орудие в криминальных руках. Кто-то, я это чувствую, неспроста послал её с разведкой в нашу область. Обаятельная незнакомка выглядит куда привлекательнее, чем гангстер, вооружённый до зубов. Ничего у тебя не выйдет. Ты хитра, но и мы не лыком шиты. Буду вести себя так, словно ничего особенного и не было. Твои поиски обречены на провал, а моя любовь к тебе пусть останется со мной. Жаль, что ты повязана с бандитами. Всё, с меня хватит! Пусть виток событий раскручивается».

Ярко-жёлтое солнце, тёплым шаром, объявившееся на небосклоне, возвестило о его появлении. Блеснувший в окнах луч света, коснулся заспанных глаз учёного. Наступил новый день поисков и мучений. Позавтракав стаканом тёплого молока с бутербродом, Всеволод Максимович, вышел из квартиры. Миновав подъезд, он очутился на тротуаре. Дипломат в его руке смотрелся элегантно, он, обдумывая предстоящую сегодня лекцию, направился на работу. На его пути повстречались две старухи, бранными словами осыпавшие друг друга. По злобности лиц астрофизик предположил, что это были дворничихи, по старой традиции, начинавшие с утра пораньше трудовой день с того, что поливали друг друга трёхэтажным матом.

«Наверно, сквернословие ободряет и согревает их ранним утром» – с этим выводом Желдин удалялся, кляня в душе встречу с ними. На фоне тополей институт казался великаном, застывшим в облицовке камня, где жила своей жизнью наука о вселенной. Последний месяц весны был месяцем каникул для студентов. Они разъезжались, кто куда. Поэтому в преддверии новых лекций, Желдин хотел провести со студентами внепрограммный курс занятий по астрономии. Ступая по ступенькам, астрофизик быстрым шагом направился в свой кабинет, встречая там лаборанток, чьи заботливые руки следили за чистотой помещений. Рабочее время пролетело незаметно, и Всеволод Максимович, довольный достигнутым в этот день, вышел из ИКИ и направился домой. Он не любил автомашин, а предпочитал ходьбу езде, – для полезной разгрузки нервной системы, частично компенсировавшей её работоспособность. Утомлённо взбираясь по лестнице жилого блока, он дошёл до квартиры. Из правого кармана брюк извлекая ключ, Желдин постарался было удержать его, но он выпал из рук и с металлическим шумом остался лежать на полированном полу. Ему вновь почудился знакомый силуэт у двери. Подобрал ключ, едва держась за перила лестницы, он смело ступил к двери. Как он изумился, обнаружив, что квартира открыта. Он этим был так поражён, что минуты две вынужден был стоять перед выбором: войти или нет? Осторожность подсказывала первое решение. Входя в квартиру, залитую электричеством и плотно прикрыв за собой дверь, Желдин снял туфли, с блаженством погружая усталые ноги в домашние тапочки. По дамской туфле возле двери, он догадался, что его незваной гостьей является Галина. С манерой крадущейся кошки осторожно ступая по ярко-синей дорожке, аккуратно высланной вдоль прихожей, он примечал, что все три комнаты были открыты и проветрены, а затем приведены в опрятный вид. Проходя в гостиную, коей являлась вторая комната, он увидел Галину. Остановившись у двери, он посмотрел на неё. Удобно расположившись в его любимом кресле, та увлеклась чтением томика произведений Вальтера Скотта.

«Эх, женщины, женщины! – подумал он – Что бы мы без вас делали? Озябли бы под тенью одиночества».

Озабоченное лицо сестры навело Желдина на догадку о том, что что-то произошло. Она увидела его и захлопнула книгу.

– Что случилось, Галя?!

Женщина молчала.

– Что-нибудь с Сайфур? Отвечай же, не молчи.

Прикрикнув, Желдин приблизился к ней, стараясь по глазам угадать причину её прихода в столь поздний для посещений час.

– Всеволод, я как раз собиралась тебе звонить, но ты уже здесь. Ничего трагичного с твоей любимой Сайфур не произошло! – ответила она, – Чувствует она себя лучше всех нас, как и ты, любит наслаждаться прелестями ночного неба. Всё это, Всеволод, хорошо, но меня беспокоит немаловажная для тебя деталь, – её голос приобрёл загадочный тон. Её тёмно-зелёные глаза не наблюдали в нём внимательного собеседника.

– О какой детали, сестричка, идёт речь? – машинально спросил Желдин, удаляясь в соседнюю комнату.

– Да так! – услышал он голос Галины – Ничего, что было бы достойно твоего внимания. Ты читай своим студентам умные лекции, а за время твоего отсутствия здесь, твоя так называемая вольнослушательница стала по ночам пропадать. Я теряюсь. И крайне обеспокоена. Как мне понимать Сайфур?

Произнося это сидя в кресле, Галина взглядом, полным озабоченности, осматривала всякие на стене старинные часы, громко тикающие. Стрелки часов замерли на семи вечера.

– Как так пропадать? – присев на стул рядом с ней, Желдин бросил на сестру взгляд, говоривший о непонимании.

– Ты не далёк от правды! – взяв в руку кофейник, и наливая синие чашечки с блюдцами, брату и себе, крепко заваренный кофе, проговорила Галина – Ну, невидимкой, скажу, назвать её язык не поворачивается, но загадочной назвать её можно.

– Да, пожалуй, ты права! – откликнулся Желдин – Попрошу тебя, не сбивайся на деталях, а расскажи всё, как оно было. Это очень для меня важно.

– Первые дни пребывания Сайфур в своём доме сгладили углы моей тоски и моего одиночества. – Галина стала выкладывать Желдину всё, что знала – Её успокаивающие глаза, лучезарная улыбка радовали меня, я, что там скрывать, привязалась к ней. Но меня стало беспокоить другое. В безупречном поведении Сайфур я стала часто замечать черты, в силу своей загадочности и странного очарования, не свойственные девушкам её возраста. Хотя тайна и красит женщину, но в случае с Сайфур она перешла все пределы понимания. При мне она вела себя кротко, временами погружалась в свои мысли, но она всегда оживлённо принимала участие в беседе, но голос выдавал её. В нём я стала улавливать странные отзвуки. Обмениваясь со мной фразами на самые разные темы, она в тоже время находилась в каком-то другом, неизвестном мне, месте, но не там, где она была в реальности. Это послужило первой причиной, которая побудила меня, хотя я не Эркюль Пуаро, начать самостоятельный анализ её поведения. Втайне от неё я установила негласный надзор за ней. И вот, позавчера, я опять обнаружила её исчезновение из дома, и время было далеко за 12 часов ночи. Но это не всё! По своей наивности вчера я спросила у неё, куда она на сон грядущий собирается идти, и она ласково ответила мне: «Вы не беспокойтесь, тётя Галя! Перед тем, как улечься, я просто решила подышать ночным воздухом, ведь пик его аромата разливается в столь позднее время, и мои чувства ещё не притупились в преддверии сна. С вами такого не бывает?».

Её вопрос немного успокоил мои опасения, и я, нежно и отрицательно покачав головой, отвечала: «Когда-то и я в былой молодости так же, как и ты, старалась подольше побыть на вольном воздухе, строить планов громадьё, но каждому возрасту своё время. Цени достигнутое, и не сожалей о том, что случилось. И пожалуйста, будь так добра, не заставляй меня лишний раз беспокоиться о тебе».

В ответ она беспечно расхохоталась. Её белозубая улыбка напомнила мне мою юность, внутренне сожалея о том, что невозвратно, я заметила ей: «Ступай, а то, чего доброго, лопнешь от смеха. Отпускаю, но с условием: не задерживайся, и этим не причиняй мне лишние переживания».

Не обмолвившись со мной ни словом, она птичкой упорхнула в свою комнату, укрываясь в ней неразгаданным созданием. Но тревога за неё не покидала меня, тревожась за исход её ночных походов, я решила пойти на хитрость. Находясь в постели одетой, я притворно спала таким сладким сном, что это совершенно успокоило её опасения на мой счёт. Она красивая девушка, и мне было приятно видеть, как она даёт повод сомневаться в ней, при этом она оставалась вне подозрений относительно своих настоящих целей. Она изящно проста и тогда, когда совершает промахи, у меня не слов, чтобы выразить восхищение ею. Я, прикинувшись крепко спящей, прекрасно слышала и видела, как она на цыпочках подошла к моей двери. Девушка закрыла за собою дверь так тихо, без шума и скрипа, что я и усомнилась: а ушла ли она вообще? Взяв с собой какую-то сумку, вероятно принесённую в первую отлучку, она покинула дом. Я стала прокрадываться вслед за ней, опасаясь, что она обнаружит меня и обидится на то, что я посмела вторгнуться в её личную жизнь. Для отвода глаз постояв на дворе, пять минут, она вышла за дом. На улице было холодно и жутко. Город впадал в спячку, что отчётливо наблюдалось в тёмных проёмах окон, в редких прохожих улиц. Мы шли друг от друга метрах в двенадцати или тринадцати, это сейчас не так важно, но она даже не обернулась, не удосужилась взглянуть, что творится по сторонам, и как ни в чём не бывало, продолжала свой путь, да так, что заставила старую женщину еле поспевать за ней.

Желдин, до этого момента внимательно слушавший двоюродную сестру, отставил недопитую чашку кофе на столик, продолжая глядеть на Галину. Ему нравилась её манера общаться эмоционально, и он сделал определённые выводы из всего услышанного.

– Мы вышли за черту города. – Галина продолжала разговор – В дымке тумана он казался пустынным, и за время нашего ночного вояжа нам на пути не встретилась ни одна живая душа. Пройдя несколько сот метров вглубь загородного леса, Сайфур забралась в самый глухой уголок. Она остановилась и оглянулась назад. Я вовремя отреагировала, упав ничком за густо разросшийся бурьян, издававший весьма специфичный запах. Мне крупно повезло. Стволы растения стали преградой для взора девушки. Обернувшись хрупким корпусом в ту сторону, откуда я до этого следила за ней, она ошибочно убедилась, что одна в этой ночи, и вокруг неё, кроме тяжёлой сумки, в лесу никого не наблюдается. Она не боялась одиночества, а достав из сумки сложный для моего понимания аппарат, здесь же принялась за его настройку. Я следила за ней и понимала, что я совсем не знаю Сайфур. Вне стен своего дома. Да, вспомнила! – взгляд Галины стал что-то искать в квартире, пока не остановился на шкафе, – он в точь-точь походил на этот радиоприёмник с параболической антенной. В этом шкафу я наблюдала его две недели назад. Так, слушай дальше. Спустя несколько минут из своего укрытия я ясно услышала далёкие гудки и прерывающийся свист радиоволн. Я стала наблюдать за ней. Она поднесла к губам микрофон, легко умещавшийся в её ладони, до меня стали доноситься слова, громким голосом произносимые ею. Я напрягла слух, но многое не могла расслышать. Произнося отдельную фразу в приподнятом тоне, из-за удаленности, не уловленную моим слухом, Сайфур устремила взгляд в ночное небо, по-летнему усыпанное звёздами. В высоте она поблескивали успокаивающе и безмолвно, но Сайфур впивалась своими глазами вдаль леса. В динамике вновь стало трещать, и тут она заговорила. К счастью, я успела расслышать лишь отдельные обрывки слов, переданные девушкой неизвестному мне адресату.

– Какие именно слова? – в вопросе стал настаивать Желдин – Ты помнишь, что она говорила?

– Ой, что-то не припоминаю, – посетовала Галина – Подожди, сейчас вспомню.

– Думай, дорогая! – сказал астрофизик, допивая давно остывший кофе. – С ней у тебя складывалась настоящая душевная близость. Ты способна внести ясность в понимание девушки как человека, а это многое для нас значит. Ты сейчас и впрямь смахиваешь на Платона, что-то силишься припомнить из круговорота прошлых жизней, и у тебя не всё в порядке с памятью, – подшучивая над ней, астрофизик в то же время осознавал, каких трудов ей стоит сейчас вспомнить то, что воссоздать практически невозможно.

– Ах, да! Вспомнила! – погода со временем, сказала Галина – Вспомнила не всё конечно, но ближе к правде постараюсь описать всё, что смогла увидеть в ту ночь в лесу. До меня долетело несколько невнятных междометий, оброненных девушкой в микрофон: «Как сл... ме... Пере... на ок... орб... Я попала в город N... Рос... Бессп... рад... пос... из эт... гор... Таин... ап... не обн...

Неожиданно для меня Сайфур прервала сеанс радиосвязи. Луна в небе отражалась серебристо-металлическим оттенком, придавая лицу девушки, не двигавшейся с места, ещё большую загадочность. Воспользовавшись тем, что Сайфур не обращает никакого внимания на окружающий мир, устремив свой отрешённый взгляд в космические дали, я благополучно выскользнула из своего укрытия. Стараясь пройти обратный путь никем незамеченная, и прежде всего Сайфур, я, прибавив шагу, закоулками добралась до дома и, проникнув в комнату, улеглась в кровать. Только я успела лечь, как мне почудилось, что мою дверь кто-то потихоньку отворяет. Сайфур очень беспокоилась насчёт того, как бы её хозяйка не нарушила тайну её походов в столь неподходящее для прогулок время. Вот и всё!

Галина после своего рассказа облегчённо вздохнула.

– Я пришла затем, чтобы посвятить моего учёного брата в эту таинственную историю, обратиться к тебе за помощью. Как твоей сестре, мне очень жаль, если девушка в данный момент водит всех нас за нос, занимаясь по ночам сомнительным радиолюбительством. Перед тем как прийти к тебе с такими вестями, я предупредила Сайфур, чтобы во время моего отсутствия она не скучала, а занялась чем-нибудь полезным для себя. Этим самым я на время отвела от себя её подозрения насчёт цели моего посещения, сказав ей, что «мои финансы сладко поют романсы».

При этих словах астрофизик улыбнулся, Галина в ответ тоже рассмеялась, хотя и без намёка понимала, кто из них фальшивит.

«Надеюсь, что брат не оставит нас барахтаться в луже земных проблем, а даст нам взаимную сумму, на которую можно прожить до дня выплаты пенсии» – сказала я ей сегодня, когда мы скромно пообедали.

Одарив сестру улыбкой, Желдин извлёк из брюк кошелек, открыл его, и протянул ей бумажную ассигнацию.

– Спасибо, сестричка! Спасибо тебе за то, что не преминула поделиться со мной своими опасениями – сказал астрофизик – Они имеют под собой почву, и кажутся мне странными и обоснованными. Ты принесла мне весть, и я займусь её разбирательством. Возьми эти деньги, и не ослабляй за ней контроль. Побудь пару часов доброй и ненавязчивой женщиной, к которой девушка испытывает наигранные дочерние чувства. У тебя это великолепно получается! – с этой фразой он подмигнул ей – Я с давних пор замечаю за тобой способность быть полезной людям, и это свойство в их глазах придаёт тебе большой вес. Да, Галина. События отчего-то стремятся к своему логическому концу. Может из того, что ты мне рассказала и выйдет вираж судьбы, но ты продолжай уделять нашей гостье внимание. Не исключено, в её семье что-то не ладится, кто в этом виноват, я не могу знать, но она не осталась на родине, а приехала в Россию. О своей семье она и словом не обмолвилась, лишь мимоходом упоминала своего отца. Всё это вместе взятое очень непонятно выглядит. Я полагаю, что твои слова о Сайфур ещё подлежат проверке.

– Ты что, мне не доверяешь? – обидчиво спросила Галина.

– Что ты! – улыбнувшись, Желдин поспешил её успокоить, говоря: Как можно тебе не доверять. Ты же с детства знаешь, какой я неугомонный. Я пойду на многое, чтобы докопаться до истины. Не исключение и Сайфур. Её загадка послужит началом её разгадки. Всё, сестра Галина, приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Расплывшись в улыбке от последних слов астрофизика, Галина стала прощаться с ним. Желдин поднялся, за ним встала и Галина, проводил до двери. Обуваясь в туфли и накинув на плечи платок, она вышла из квартиры на лестничную пролётку этажа, и, спускаясь по лестнице, покинула дом. Вечерело. Какие-то пьяные субъекты беспечно болтали во дворе, а она, снедаемая желанием поскорее повидаться с Сайфур, возобновила свой путь по улице Садовников. Проводив сестру и вернувшись в свою квартиру, и остановившись у окна, Желдин стал молчаливо созерцать надвигающиеся сумерки, и одновременно тщательно продумывать каждое слово, произнесённое Галиной. Сев в кресло, он погрузился в раздумья, успевшие зародиться в его голове в ходе рассказа сестры о событиях предыдущей ночи.

«Странно, но у меня возникает вопрос: для чего понадобился Сайфур радиопередатчик? Явно не для обмена информацией с домом. На что тогда, спрашивается, придуман Интернет? Стоп. Галина, отдаю ей должное, в подробностях описала его мне. Если верить ей на слово, то выходит, что его предназначение изначально состоит в том, чтобы поддерживать коротковолновую связь с космическим кораблём, невидимкой, зависшим в околоземном пространстве. Чушь, какая-та, а всё – таки в этом есть свой резон. Нет. Тут что-то не так. Эта девушка обладала информацией, в силу непонятных для меня причин заставляющую носить её в себе без права распространения и передачи. Я назову её „тайной Сайфур“. По видимому мне всерьёз ею придётся заняться. По круплицам, но я постараюсь за что-то ухватиться, а что-то и домыслить. Однако всё равно не пойму. Зачем ей понадобилось идти именно в лес, когда она с таким же успехом могла связаться в своей комнате с тем, кто ей стал нужен до такой степени, что в позднюю ночь она покидает дом Галины, и очертя голову мчится, неизвестно куда. Что ни говори, задала ты нам ребус! И что несут собой эти загадочные обрывки слов, произнесённых девушкой в момент, когда и разведчики обычно уже спокойно почивают? Очень и очень запутанная получается картина. Всё так перемешано и усложнено, что и пьяному на моём месте не взбрёт в голову взяться за разгадку. Софистические парадоксы. Вероятно, в эту самую пору с девушкой происходит что-то такое, что не разберёшь. Но факт. От её поведения и поступков может зависеть чья-то жизнь. В истории с девушкой не могу понять одного: чего она боится, и что скрывает в себе? Кто кому угрожает? Девушка неизвестным, или они – ей? Со временем всё прояснится, но всё же. Так, отвлекся – постерег он себя – Вспомни и запиши те обрывки фраз, которые произнесла Сайфур».

Взяв авторучку и чистый лист бумаги, Желдин стал убористым почерком выводить строки, отчего письменный стол вздрагивал своей тёмно-коричневой массой.

«Что это значило бы, а? Вот на этот вопрос и надо найти ответ. Стоп, – от возникшей догадки глаза Желдина округлились – Первая фраза заключает в себе то, что девушка боялась, как бы из-за радиопомех её не расслышали. Вот и разгадка. «Как слышно меня, – это было первое, что Галина успела услышать. Остальные же фразы она уловить просто не могла, так как из-за шума они ушли в радиоэфир. Но каких помех? Не разберу. Дальше. «Пере... на ок... орб». Остальные подробности в своих наблюдениях Галина не разъяснила. Сайфур хотела быть зачисленной на факультет вольнослушателем... в силу некоторых семейных обстоятельств. Погоди, погоди. Семейные обстоятельства, – он ещё раз взглянул на бумажный лист, где чёрным по белому было записано: «Пере... на ок... орб...». Догадки. Но какие? Это и есть та самая разгадка взгляда девушки в космос. «Передаю на околоземную орбиту» – вот, пожалуй, и ключевая разгадка второй части послания. Он вспомнил слова девушки. Тогда, находясь в кабинете, Сайфур сказала ему, что, «отец-астрофизик наслышан о нём и о его незаурядных

дарованиях, но не может лично приехать и засвидетельствовать ему своё почтение. Так. Предположим, что разгадал ты правильно, а что дальше. – «Я попала в город N... Рос...».

«– Россия. – Желдин сразу догадался – Стоп. Что же получается? В какой же стране, ты, милое создание, обреталась? Разве не в солнечном Узбекистане? Всё прояснилось, но некстати. Возьмёшься за одно, а за ним выплывает целый айсберг вопросов. Выходит, что она не из Средней Азии?! Забавно. Получается, что она красивыми жестами вешала мне на уши лапшу, а я, как доверчивый ягнёнок перед хитрым волком, безропотно снимал её. Если разобраться по сути, то псевдоним может себе придумать любой человек, кто желает вложить в него определённые цели и смысл. Многие из творческих людей так и поступают, но девушка не может это себе позволить. Да! – лицо Желдина подёрнулось – Кто ты есть? Как говорится, кто есть кто? Для студентов она неразговорчива, для нас, – лукава. А в общем понимании, – обманчивый мираж. Не ожидал, Сайфур, такой немилости к нам. Галина, как я посмотрю, вообще жалеет, что пустила её жить в свой дом. Бог с ней. Посмотрим, что из записей следует дальше».

Желдин сосредоточил свой взгляд на том месте, где читались следующие слова: «Бесп... рад... пос... из эт... гор...»

«Какая абракадабра обрывка! – при этой мысли он недовольно сморщил свой лоб – Не спеша, начнём разбираться с ребусом в последовательном порядке. Рад... – есть не что иное, как «радио»? Но что содержит в себе «пос...»? И тут Желдин увидел то, отчего у него в уме стала проясняться поразительная аналогия между поломкой радиотелескопа и появлением незнакомки. Так и есть. Между тем и другим прослеживалась таинственная взаимосвязь. «Эх, я! Святая простота. – Корил себя Желдин – Разгадка находится у меня в руках, а я не имею воли ею воспользоваться. Эта недомолвка означает, что радиосигнал послан. Отсюда не составит труда разобрать обрывок, следующий за ним: «из этого города».

«Бесп...» – этот магический смысл кроется в слове «беспорно». Скорее всего этой фразой девушка собиралась развеять сомнения того искомого для меня субъекта, кому она адресовалась. Теперь попытаюсь влезть в кожу сыщика, с умпостигаемым чутьём которого тебе придётся воссоздать реальный ход событий вокруг «тайны Сайфур». «Беспорно. Радиосигнал послан из этого города». Стоп. – Он понял то, что раньше отмечал, как абсурд. – Радиосигнал! Радиосигнал! – несколько раз нашептал себе под нос, Желдин громко воскликнул: Эврика!

Всеволод Максимович не заметил и сам, как забегал по всем трём комнатам, упиваясь открытой им догадкой.

– Я оказался прав! – Конечно, как же иначе. Вот чем обернулась история её зачисления в ИКИ. Земляне столкнулись с пришедшим из космоса разумом. Косморазведчик явился к нам из далёких звёздных систем, как ответ из бездны пространства, где жизнь и разум дошли до высшей точки своего одиночества. Как же я раньше не смог догадаться, что псевдо – Сайфур ищет тех X и Y, которые рискнули послать в радиокосмос неизвестное сообщение. Тем самым, они надеялись проникнуть сквозь подёрнутые дымкой тайн звёздные туманности. К тем неизмеримо далёким метagalактикам, которые наукой пока не объяснены, ибо в этом вопросе она ограничена методами исследования. Но кто, и главное, зачем её к нам прислал? Тайна. Неоспоримо лишь то, что предмет нашего с Галиной наблюдения послан на Землю носителем внеземного разума.

Отвлекаясь от своих рассуждений, Желдин приступил к расшифровке последней части послания: «Таин... ап... не обн...». Его всего пронял озноб. Вышедшая из строя чаша радиотелескопа есть итог воздействия какого-то таинственного аппарата на её структуру. Он понял это ещё когда, когда находясь на том месте, ознакомился с плачевным состоянием недавно функционировавшего центра приёма и послышки радиосигналов в космос. Третье предположение уже не имело места в разгаданном им ребусе. Как-то невзначай у астрофизика возник вопрос: «откуда девушка могла узнать, что радиопослание ушло именно из города N, а, не скажем, не из Красноярска, или Кемерово? Загадка?»

«Почему, собственно, загадка – удивился Желдин, продолжая далее развивать свои дедуктивные мысли – Загадка она и есть на то загадка, чтобы иметь отгадку. Мне придётся лично установить за ней неусыпное наблюдение, а то, чего доброго, ускользнёт из рук, как просо. Благо, перехватить её послания мне не составит большого труда – с этой ободряющей мыслью он ласково ощупал взглядом контуры радиоприёмника, что покоился на книжной полке.

– Неизвестным для меня остаётся момент, от чьего разрешения зависит успех задуманного мной эксперимента. На каком диапазоне волн она контактирует с космосом? С какой целью она это делает? Надеюсь на то, что скоро всё прояснится.

Таким образом, успокоив своё волнение, Желдин подошёл к окну. По тротуару прогуливалась пара молодых людей, почему-то бросившая недружелюбный взгляд на его окно. Они увидели его, Желдин отпрянул от окна с мыслью: «Подозрительные типы. Кого они мне напоминают?» – тут он схватился за сердце. Конечно. Он вспомнил. Это было сегодня. Они злобно смотрели на Сайфур, когда девушка поднималась по ступенькам института.

Глава 6

Диатермия* мыслей

Дальнейшие события, как и предполагал Желдин, не заставили себя ждать, сжимаясь в его жизни спиральным витком диатермии. Позволяя себе редкие минуты отдыха, он удивлялся всему, что за последнее время наблюдал. Укладываясь на сон грядущий, он

задавал себе вопрос: «а не сон ли это? Вот она, рядом, иная реалья космической материи, бери и изучай. Увы, работа в институте отдаляла его исследования жизни того прекрасного существа, коей с чужой звезды суждено было появиться здесь. Парадокс. Учёные веками силятся разглядеть созвездия, найти там разумных существ, а она, вот тебе раз, возьми и объявись».

Со времени вселения в дом одинокой женщины, Сайфур с теплотой оказывала ей посильную помощь, сочувствовала и понимала, что в своём несчастье она глубоко одинока. Галина души не чаяла в полюбившейся её девушке. Всё в ней было загадочно и знакомо, как жизнь на поле времени. Никто из сибиряков не догадывался, что неподалеку от Новосибирска живёт та, которой доступны иные галактики и бесконечные пространства. Галина подолгу беседовала с очаровавшей её сердце молодой напарницей, вместе с ней посещая беседку, что затаилась в глубине деревьев обширного сада.

*теплопроводность (греч).

С приходом нового дня женщина замечала, что опостылевшее ей одиночество вновь отступало, а с собой девушка несла ей приятное отдохновение, ненавязчиво доказывала, что она является незаменимым мастером понимания сути вопроса в вещах, затрагиваемых в каждодневном диалоге. Границы их бесед простирались от эволюции организмов живых существ до повседневных проблем большинства россиян. До поздних вечеров разговаривая с девушкой, которой не докучали расспросы, неугомонная Галина пришла к заключению, что в разговоре с ней Сайфур проявляла не только ум, но и обаяние. Романтичная Галина перед девушкой часто распространялась о том, что когда-нибудь в будущем настанет день, когда люди станут гуманно относиться не только друг к другу, как к высшей ценности, но и так же будут вести себя в отношении представителей других звёздных цивилизаций. Палеоконтакт с ними, несомненно, стал отправным шагом для постижения межгалактического бездонья. Но к разочарованию Галины, девушку почему-то не влекло к далёким от неё звёздам. Из вежливости сделав вид, что внимательно слушает, на самом деле она думала о своём, не относящемся к текущей беседе. Наперёд зная, что девушка так будет поступать и впредь, Галина Петровна сделала вид, что якобы не замечает ничего странного в её поведении. Её забавляла таинственность девичьей скромности и молчаливости, без всяких слов говорящие о многом, что не произносилось. Предложив Сайфур первой пройти в дом, Галина подумала: «Когда-нибудь, милый ребёнок, ты поведаешь мне о своей жизни. Дожить бы до этого». Наступал вечер, а вместе с ним и хлопоты. День проходил за днём, но Галина всё чаще стала видеться с Сайфур в тихой глуши сада, иногда прерываемой залиvistыми голосами птиц. Беседка, напоминающая собой античный портик, вся утопала в прохладной неге плодоносных деревьев. Аккуратно окученные, они находились на переднем плане садового участка. Сайфур любила этот сад, и часто укрывалась в нём, словно стараясь избежать присутствия посторонних, и даже самой хозяйки. Это обстоятельство огорчало Галину, и может быть, так оно какое-то время и происходило бы, не раздайся у входной двери, в один тёплый день, трескучий звонок, неожиданно и бестактно прервавший их обычную беседу. Они переглянулись, удивляясь, кто это мог быть. С большой неохотой прервав своё разговора, они вышли из беседки на аллею.

– Отвори дверь! – направляя к кухне свои шаги, нежно приказала Галина. – Время обеда не за горами.

Сайфур поспешила к палисаднику, чтобы исполнить намерение Галины. Отпирая замок, и толкнув дверь вперёд, Сайфур побледнела, словно полотно выгоревшего на солнце льна. С каким-то трепетом она созерцала брата Галины, который в молчаливом ожидании стоял на пороге дома. Застыв на месте с пониманием того факта, что девушка смутно, но начинает что-то предполагать в его нечастых посещениях сестры, он продолжал испытывать её терпение.

– Пожалуйста, Всеволод Максимович, входите! – хладнокровно отразив от себя пронизательные глаза Желдина, предложила Сайфур.

– А вы? – С улыбкой обращаясь к ней, Желдин смотрел перед собой.

Сайфур намного смутилась, но быстро нашлась, что ответить: И я!

Девушка быстрыми шагами удалилась в сад, где благоухал аромат груш и яблонь. Войдя в тенистый двор, увитый змейками виноградной лозы, Желдин увидел Галину. Она шла из сада, и о чём-то оживлённо спорила с Сайфур. Они поравнялись. Нежно пожимая руку сестре, Желдин наблюдал, как поведёт себя девушка. Галина вопросительно посмотрела на брата. По выражению его лица она старалась вникнуть в то, что же на этот раз привело его в её дом. Правильно оценив взгляд Галины, и взяв на себя роль хозяина, Желдин пригласил женщин проследовать на веранду. Неторопливой походкой, ступая им вслед, он так же скрылся за зелёным дверным проёмом. Пока он поднимался по лестнице, Сайфур управлялась с чайником, а Галина, расстелив на столе ярко-розовую скатерть, резала хлеб.

«Интересно! – подумал Желдин, располагаясь в плетеном кресле – Неужели для того, чтобы чиркнуть спичкой, надо потратить уйму времени? Всё это подозрительно, если не смешно».

Вошла Сайфур, их взгляды перекрестились зрительными шпагами. Невольно застав странное поведение брата и девушки, Галина с конфетницей в руках, охваченная беспокойством и с раскрытым ртом, застыла на месте.

– Если вы не возражаете, – учёный обратился к Сайфур – то я желал бы поговорить с сестрой с глазу на глаз. Я полагаю, что это не заденет ваше самолюбие.

Ничуть не обидевшись на просьбу Желдина, а наоборот, улыбнувшись ему своей подкупающей улыбкой, Сайфур, взяв в загорелые от работы руки ведро, тихо удалилась вглубь сада, по пути собирая сочные плоды, что опали на землю. Брат с сестрой хранили молчание, пока она не скрылась из виду, а потом уединились на веранде двухэтажного дома, откуда открывалась панорама сада.

– Хм! Я поражаюсь спокойствию девушки. – Кинув взгляд через застеклённую веранду вглубь садового пространства, сказал он, с интересом наблюдая, как Сайфур тонко отточенной палкой умело сбивала с веток созревшие плоды.

– Да! – вздохнув, подтвердила Галина – Этого спокойствия и безмятежной рассудительности у неё не отнять и не прибавить. Я это поняла после того, как провела с ней многочисленные беседы и встречи. Они раскрыли мне недожиданные способности её интеллекта. Честно говоря, мне не верится в то, что Сайфур могла нас в чём-то обмануть.

После этих слов она стала подправлять жардиньерку, на основании которой уютно примостились цветочные горшки.

– Чтобы не беспокоить тебя по поводу Сайфур, пусть сегодня или завтра, как ей вздумается, она ночью идёт туда, куда ей заблагорассудится. Но только с одним условием.

– С каким? Объясни! – выставив любопытство наружу, Галина продолжала приятную возню с цветочными принадлежностями.

– С условием, что ты не будешь её преследовать! – ответил Желдин. Цветущая в саду георгина привлекла его внимание.

– До поры до времени! – посмотрев на недоумевающую сестру, добавил он.

Наблюдая за братом, Галина поняла, что тот безнадежно погряз в непроходимых болотах своих размышлений.

– А как же быть с твоей рекомендацией, предписывающей неусыпный контроль? – спросив, Галина с заметным напряжением в движениях уселась в плетеное кресло напротив брата. Он покосился на неё.

– На нынешнем этапе событий моя рекомендация устарела. Поэтому за ненужностью её следует отставить – проговорил он – Отчаянной отваги пожилая женщина. Тебе ли не знать чуткий характер девушки, и твои дознания могут привести к её внезапному исчезновению, а это, как раз, и не входит в мои планы. Предоставим ей полную свободу действий, а обязанность наблюдателя с этого дня я беру на себя. Наглядно убедившись, что ты не провожаешь её за калитку взглядом, говорящим о подозрении, Сайфур успокоится, усыпит бдительность, и возобновит свои радиоконтакты, они то и прояснят её истинные намерения. От разъяснения мной загадки этой девушки с обаятельными чертами во многом зависит чья-то судьба.

– В чём же, если я так старомодна, заключается моя задача? – вопрос Галины заставил астрофизика призадуматься.

– Твоя предстоящая миссия будет заключаться только в одном: каждый раз, как только девушка выйдет за пределы двора, немедленно оповести меня по мобильной связи. Вот и всё!

Его улыбка дала Галине понять, что беседа, деликатно касающаяся Сайфур, исчерпана. Они вышли во двор, обдавший их чем-то озабоченные лица прохладой летнего сада. И... остановились. Им было видно, как по чистой аллее, с ведром яблок и груш, навстречу им шла Сайфур. Её лицо было хмуро, в тайны девушки, против собственной её воли, теперь предстояло проникнуть Желдину. Тепло, поблагодарив Сайфур за предложенные фрукты, Всеволод Максимович, сопровождаемый сестрой и взглядом девушки, вышел со двора на улицу. Перед тем, как покинуть двор, астрофизик на ходу шепнул Галине: Обязательно позвони. Буду ждать.

– Хорошо, Всеволод! Как ты сказал, так тому и быть. Позвоню, как только Сайфур выйдет со двора.

Не решаясь сойти с места, Сайфур стояла в сторонке. И внимательно наблюдала за Желдиным и его сестрой. Она не слышала, о чём шептались земляне, но догадывалась, что речь шла о ней.

...Наступила ночь на дворе, чёрными переливами своей окраски раскрасившая город, утонувший в облаке наступающего сна. Ноль часов шестнадцать минут. Желдин, было, собравшись уйти в заветный мир сновидений, потушил настольную лампу. В комнате стало темно. Астрофизик подошёл к окну. За стёклами непрерывно, но уже реже, сновали машины. Пронаблюдав за их удаляющимися огоньками, учёный вернулся к столу, но накопившаяся за день усталость принудила его лечь на кровать. Незаметно для себя, он задремал. Громкий вызов мобильного телефона вернул его из забытья. Приложив его к уху, он сонным голосом отозвался: Да!

– Она только что вышла, и опять с сумкой.

– Благодарю за силу быстрого реагирования! – пошутил Желдин, и сбросил вызов. Сестра не обидится, она поймёт, что так надо. Его глаза заблестели в темноте, он предвкушал интригу. Встав, и одевшись на скорую руку, он щёлкнул выключатель. Заливший комнату свет окончательно изгнал его сон.

Немного походив у кровати, он взглянул на чемодан, сиротливо стоявший у книжных полок. Открыв его, он вынул маленький приёмник, работающий в автономном режиме питания. Пора было выводить Сайфур на чистую воду. Очутившись у окна, где мутновато смотрелись звёздные сыпи далёких от Земли миров, он мечтательно вздохнул. Никто в этот час его не поймёт и не оценит. Принимаясь за кручение рычажка приёмника, он взглядом впился в окно, и счёл это действие бесполезным занятием. Уже было, решив его бросить, астрофизик неожиданно заволновался, поймав непонятный шум на границе лондонской и римской ради-

ошкалы. Желдин понимал, что эти радиопомехи создаются космосом, а не наземными станциями. Приёмник работал без помех, настроив слух, он стал терпеливо ожидать, что за этим последует. Прошла череда минут, и он был вознаграждён за свойство своего характера, всё доводить до конца. Желдин уловил голос, несомненно, он принадлежал Сайфур. В глубине души затаив радость, старательным почерком он стал записывать в блокнот те слова, которые слышались из динамика: Вызываю на связь межгалактический корабль! Как слышите меня? Задание почти выполнено, за мной можете присылать челнок. Координаты вам известны, но я повторю ещё раз, – город N. Западная Сибирь. Россия. Операция на грани провала. Я боюсь быть раскрытой. Астрофизик и Галина строят смутные догадки о моём истинном амплуа. Это для меня чревато непредсказуемыми последствиями. Спешите с отправкой корабля на Землю. Через пять дней. Дорог каждый день, не медлите!

Голос Сайфур был заглушен двухминутными радиопомехами, потом из динамика полилась ласкающий слух сингл на английском языке: лондонское радио транслировало свои шоу-радиопередачи.

Наутро после завтрака, сохраняя хорошее настроение, Сайфур ранней птичкой появилась в ИКИ. Хитрая девушка поставила перед собой практически невыполнимую задачу. Она знала, что пославший её в этот город мужчина ждал от нее положительных действий, и времени для раздумья у неё не было. В эти последние дни она лихорадочно искала нить ответа, чей обрывок, преодолевая лабиринты тайн аппарата, мог привести к столь желанному для неё успеху. Размышляя о плане, с подпунктами и в деталях выработанным ею вчера вечером, она рассчитала всё, теперь от неё требовалось лишь ухватиться за наиболее важную часть возникшей проблемы, о которой её проинструктировали в родной галактике.

– Юноша! – отвлекаясь от мыслей, обратилась она к молодому человеку, стоявшему у запертой двери деканата. – Не подскажешь, где тут находится лаборатория Всеволода Максимовича?

Вопрос девушки не возымел ожидаемого эффекта. Поглядев на неё расширенными от удивления глазами, парень без слов удалился.

– Кто тут меня спрашивает?

Желдин подарил девушке широчайшую улыбку, на что она лишь тяжело вздохнула. Она и не предполагала, что Желдин, объявившись в ярко освещённом коридоре, будет способен следить за ней.

– Чем на сей раз мог бы быть вам полезен? – спросив, Желдин на лице девушки наблюдал одно лишь смущение. В эту минуту встречи с ней, ему показалось, что у Сайфур есть готовый ответ.

– Здравствуйте, господин Желдин! – Сайфур, быстро оправившись от явного промаха, с улыбкой на устах произнесла приветствие. В ответ астрофизик одобрительно закивал головой.

– Вы так неожиданно подошли, что у меня дух захватило. Умеете вы появляться в нужный час.

– Это правда? – с интересом спросил он, только сейчас примечая в чёрных волосах красавицы серебристую шпильку.

– Конечно, да! – в ответ сказала она – Я искала вас с самого утра. На этот раз я заинтересовалась радиохимией.

– Вот как? – удивился астрофизик. – Интересно, интересно. Продолжайте.

– Не удивляйтесь, Всеволод Максимович, – отвечала на это она – Это так. Не могла бы я, находясь в вашей лаборатории, с вашей помощью на практике ознакомиться с ходом реакций ряда радиоактивных элементов? Например, кюрий, радий, плутоний и уран.

– Конечно, можете. Неужели вы это говорите всерьёз? – больше прежнего удивился Желдин – Решили покопаться в механизме деления ядерных частиц? Извини, Сайфур, но наша научная группа профилирует только межзвёздные и термоядерные взаимодействия внутри планет, бурно и чересчур активно активизировавшиеся в космофизической основе системы S. Удивительно, но факт. Ампулы с названными вами элементами пропали из моей лаборатории не так недавно. Совпадение?

– Как? – девушка побледнела.

– Да, красавица! – убеждаясь в том, что попал прямо в цель, Желдин стал более подробно излагать своё мнение, находя в Сайфуре идеи, волнующие его ум. – Бог с ней, с пропажей. Тем не менее, ампулы пропали бесследно, виновные за их сохранность понесли наказание в виде увольнения, но не это озаботило меня. Ровно через месяц после этого тёмного происшествия, из строя выходит чаша радиотелескопа. Два года, потраченные искусными строителями Новосибирска, пошли коту под хвост. Не странная ли получается сопоставимость случаев, казалось бы, разнородных по смыслу, но имевших место события в институте?

В глубине души Желдин ликовал. Ключ, подобранный им к тайнам души девушки, на его счастье оказался удачным.

«Красная девица послана к нам теми, кто через неё силится выйти на след людей, виновных в том, что те отправили в космос какое-то сообщение. – В мыслях Желдина росла уверенность в своей правоте. – Антенна, не выдержав поля передающейся на неё энергии ядерного взаимодействия, вышла из строя. Я посмотрю, как она поведёт себя, а то...».

– Но кто, что подсказывает ваше чутьё, мог это сделать? – девушка вопросом оборвала ход его мыслей – Ведь они опасны для всего живого.

– Разумеется, Сайфур! Клетки погибали, испытав воздействие радиации. Не взял же их кто-либо из лиц, незнакомых с их воздействием на организм, – с этим ответом Желдин рассмеялся ей в лицо.

– Я не нахожу никакого юмора в ваших словах! – обидчиво произнесла Сайфур.

– Я смеюсь не над вашими словами, а над тем, какое вы, по сути, недогадливое дитя. Разве вы не знаете, что их очень просто можно похитить, – руками.

Желдин опять засмеялся, но стал серьёзен, каким она прежде его не видела. Это продолжалось недолго.

– Не держи на меня обиды, Сайфур! – рукой вытирая слёзы, от смеха выступившие на глаза, примирительно произнёс Желдин – Ампулу с радиоактивными элементами взяли чьи-то руки, облачённые в перчатки, покрыты тонким слоем свинца.

– Злоумышленников обнаружили?

– Пока что, нет – поняв, куда девушка клонит разговор, ответил он – Но я догадываюсь, кто они.

Замечая девичий взор, горячо обдавший его, учёный продолжал свои рассуждения: Выведя из эксплуатации радиотелескоп, со своей стороны похитители допустили непростительный промах, что и выдало их с головой. Дело в том, Сайфур, что ограда, и поныне кольцом окружающая Центр, явилась неопровержимым доказательством, от которого, предъяви я им обвинение в умышленной порче вузовского имущества, без последствий уголовного характера, вряд ли бы они отделались. А тогда, расхаживая по кабинету, я задался вопросом, расставившим всё на свои места. Нельзя ли на миг допустить, что нерадивые любители посылки собственных сообщений в космос, в бегстве с места преступления, могли оставить отпечатки пальцев на ограде? Через неё, скорее всего, они и проникли в любимый всеми за тень дворик. Так как чужой, а это допущение маловероятно не мог пойти на создание происшествия, я пришёл к мысли, что это сделал кто-то из наших студентов. Но кто? В своей телеграмме, отправленной от моего имени в криминальную полицию, в разбирательстве этого дурно пахнущего дела, я призвал на помощь дактилоскопистов. Ответ поступил на следующий же день. На мой

домашний адрес его прислал криминальный сыщик Василий Андреевич Мальченко. В нём коренастый и крепкий в плечах мужчина заблаговременно заверил меня, что дело сдвинется с точки, и виновные в этом преступлении незамедлительно понесут заслуженное наказание. Он попросил меня о встрече, которая и произошла через два дня. Дабы у наших питомцев случаем не появилась мысль, чужеродная для их интеллекта, я попросил Мальченко провести работу своих подчинённых полицейских в качестве маляров. Моя просьба была удовлетворена. Перед тем, как чёрной краской замазать металлический стержень ограды, его специалисты аккуратно снимали отпечатки пальцев, вещественное доказательство о наличии в этом поступке горе мечтателей предумышленного действия в совершении преступления. Есть подозреваемый, а статья для него всегда подберётся! Как вы думаете, – Желдин задал свой вопрос – справились ли они со своей работой?

Сайфур отрицательно покачала головой.

– Глубоко ошибаетесь, ещё как справились. – Желдин заверил её – Через день после безупречно проведённой ими работы в качестве маляров, я успел получить от Василия Андреевича пакет с фотокопиями отпечатков пальцев, что были оставлены на основании ограды. Я распорядился, чтобы в ближайшее время деканат письменным приказом, под предлогом борьбы с ОРЗ, рекомендовал преподавателям и студентам пройти медосмотр. Он был напечатан, завизирован личной подписью Жасминова, и в качестве юридического документа был вывешен на доске объявлений. И пошло, поехало. Во время прохождения массового медосмотра доктор Марченко, анализируя состав крови, как бы ненароком просил каждого пациента, кто был у него на приёме в медпункт, перед тем, как выйти из помещения, для здоровья выпить стакан минеральной воды. После чего ревностные служители клятвы Гиппократы аккуратно скатывали со стакана отпечатки пальцев реципиента, и добросовестно заносили их в картотеку личности. И вскоре меня в институте навещил майор Мальченко. Игорь Иванович сказал мне, что, «отпечатки пальцев из медпункта точь-в-точь помогли ему идентифицировать личности двух студентов».

И тут, для себя обнаружив, что доверительная беседа с девушкой зашла слишком далеко, астрофизик запнулся. Сайфур всё поняла, но решила на последний вопрос: А где хранятся криминальные факсимиле?

– У меня, дома.

Астрофизик понял, что проговорился, но об этом сожалеть было поздно. Сказанного слова назад не вернуть, какие бы жертвоприношения на алтарь жизненного опыта не приносил человек. Отчаяние за то, что не смог выправить некогда поправимое, в его представлении чётко связывалось с понятием разумной достаточности и неадекватным течением Хроноса. Стараясь безуспешно сбить девушку с толку, и в мыслях ругая себя за откровенность, Всеволод Максимович произнёс: Если вы пожелаете, сегодня вам предстоит стать свидетельницей астрофизических наблюдений за звёздной системой S, проводимых нашей исследовательской группой. Она, представляете, удалена от границ Млечного Пути на неисчислимы парсеки. Многие из моих коллег, включая и вашего покорного слугу, выдвинули предположение о том, что это система обречена в скором времени покрыться протозвёздным облаком, – сделав резюме, Желдин заметил лёгкое вздрагивание плеч девушки. Опомнившись, она деликатно подавила выпад учёного в свой адрес: Не знаю, господин Желдин, что и сказать. Без сомнения, межзвёздные миры завораживают любого обитателя нашей планеты, я уже сейчас предвосхищаю наступление момента, когда через окуляр астроприбора буду рассматривать расплывающиеся точки небесной красоты. Я завидую потомкам. Именно им, а не нам, суждено разорвать негармоничное развитие этого мира, привести его в соответствие с общепринятыми в других цивилизациях законами, таким образом облагораживать своё место обитания, чтобы сохранить исчезающих собратьев по природной среде обитания.

«Девушка благоразумно поступает в час, трудный для своих планов», – кивком головы астрофизик согласился с ней. Поблагодарив за беседу, прошедшую в духе взаимопонимания сугубо личных интересов, Сайфур попрощалась с Желдиным.

...По пути, в библиотеку, задумавшись о своём, Сайфур столкнулась с Виктором, студент спешил на лекцию по высшей математике. Механически извинившись перед остолбеневшим от такой встречи юношей, зазноба его сердца с отсутствующим взглядом направилась к выходу. Она по полочкам раскладывала прошедшую с астрофизиком беседу. Обескураженный таким невниманием, юноша влюблённым взглядом долго провожал фигуристую девушку, пока та окончательно не исчезла за дверью проходной залы. С загадочной улыбкой проследив за этой сценой, Желдин удалился в свой мир астрофизических абстракций, что посетили его в стенах Радиотелескопного центра.

Слова астрофизика, неосторожно произнесённые в её присутствии, произвели в сознании девушки взрывное действие.

«На негативах есть имена тех, кто послал радиосигнал. Сейчас они нужны отцу, как воздух и вода. Не в моей манере улетать с какой-либо планеты, не разузнав всё, что мне надо. Я наяву наблюдала спектр цветов, чьи оттенки, словно бесчисленное количество камней на дне океана спутника Европа, так и подмывали меня найти аппарат, опасный для всех известных форм вселенской жизни. Многим обитателям звёздной „пустыни“ S хорошо известно, что мой отец редко когда ошибался».

Сайфур с подобными размышлениями, спокойно бродила по тротуару города.

«Но как мне выйти на этих субъектов? – проносится у неё в голове, – Каким зигзагом действия найти выход из создавшегося тупика?».

– Почему это не знаю? – собственный вопрос, громко произнесённый ею сейчас, испугал девушку. Сайфур остановилась у дома Галины. В окнах горел уютный свет.

«Кажется, я нашла!».

Сайфур вошла в дом, начинающий отбрасывать тени в наступающую черноту. Спокойная и нежная.

День для Галины прошёл так незаметно, что это не преминуло повлиять на диалог, поздним вечером происшедший между ними.

– Галина Петровна!

– Да, моё солнышко. Я слушаю, говори.

– У меня к вам разговор.

– Какой?

– Сегодня преподаватель пригласил нас в гости. Ему неловко от того, что он к нам ходит, а мы к нему забыли дорогу.

Сайфур терпеливо ждала от Галины ответ. Галина, весь день, посвятив наведению порядка в домашнем хозяйстве, находилась в хорошем расположении духа, что и сказалось на её словах: Вот, милая моя, поедим, тогда и нанесём Всеволоду наш ответный визит вежливости.

Не находя в этих словах ничего подозрительного, Сайфур согласилась с предложением Галины.

...Поздним вечером, возвращаясь с работы астрофизик, как обычно, приготовился к тому, чтобы подкрепить нуждающийся в пище организм плотным ужином. Подогрев его, он принялся, есть голубцы в капусте, тоскливым взглядом уставившись на скатерть кухонного стола. Покончив с ними, он стал медленными глотками попивать горячий кофе, заранее предвкушая себе ночную работу над решением проблемы взаимодействия термоядерных частиц в протогалактических туманообразованиях. Только он сделал глоток из чашки, как в дверь кто-то настойчиво несколько раз позвонил.

– Сейчас! Да иду я, иду! Одну минуту!

Ловким движением руки Желдин открыл газ, чиркнул спичкой, зажёл пламя конфорки, на неё он поставил греть утренний бульон. Чтобы не прокис.

– Ах, это вы! – впуская в одинокую квартиру Галину и Сайфур, Всеволод Максимович приятно удивился. Закрывая за собой дверь, он последовал за ними.

– Проходите в библиотеку. Если нет, то можете пройти на кухню, и сварганить что-нибудь съедобное. Одним словом, дорогие вы мои, будьте как дома. Надеюсь, общество старого холостяка вас не потревожит.

Сказав, Желдин улыбнулся редкой улыбкой. Женщины от него были в полном восторге.

– Ваше общество, уважаемый Всеволод Максимович, ценится не только студентами, но и нами – польстила девушка. Она держала себя у Желдина непринуждённо – В свою очередь, я и Галина, мы думаем, что своим приходом не помешали вашей способности узреть на небесах то, что недоступно нашему житейскому разуму.

В разговор вмешалась Галина, говоря: Надеюсь, что для всех нас этот вечер пройдёт наименее неприятным образом.

– Безусловно – поддакивая сестре, учёный, одобрительно закивал головой, не сводя глаз с Сайфур – Я буду рад подискутировать с вами по любому вопросу. Что же вы стоите? – Желдин вдруг спохватился – Присаживайтесь там, где вам будет удобно.

Женщины расселись по креслам, что полукругом стояли около письменного столика, и не рисковали первыми начать беседу. Всеволод Максимович, проявив внимательность, отлучился на кухню, вместо кастрюли с бульоном поставил чайник. Подогрел его. И принёс им на стол две чашки кофе, сел в кресло и начал говорить: В последнее время часто приходится слышать мнение лиц, неосведомлённых о насущных потребностях человечества в открытиях, каждый год производимые астрономами, что эта наука бессмысленна. Якобы, давайте решим приземлённые проблемы, а следом за ними поспеют и эмпирические. Им ведь не понять, что если земляне вложат в эту науку средства, то через сравнительно минимальный срок человечество получит назад не только затраченные средства, но и в качестве дивидендов станет осваивать новейшие технологии, приобретая колоссальный научный опыт, которому цены нет. Понимаете, наше общество не должно разрушать фундамент, на чём держится астрономия. В своё время он был заложен Эратосфеном, Птолемеем, Кеплером и Декартом, Коперником, Хабблом, вавилонскими, индийскими и арабскими звездочётами. Гершель и Амбарцумян, Оорт и другие авторитеты должны навечно остаться в памяти благодарных потомков. В конце концов, мы есть цивилизация, а не какая-нибудь толпа невежественных фанатиков, в древние времена уничтожившая Александрийскую библиотеку. Если бы вы знали, как она была богата по содержанию знаний, каждый свиток, и каждый иероглиф содержал собой представления древних о земле и небе, был дороже всех вместе взятых земных бриллиантов. Я не хотел бы, чтобы наше общество подвергло уничтожению те книги, которые помогают ему стать не только просвещённым во многих разделах естествознания, но и способствуют осознанию человеком своего места во вселенной. Астрономия помогает человеку ощутить всю космическую гуманность науки, она не терпит, когда её знания и методы, приложенные к этим знаниям, оказывались тем инструментом, который оборачивался против живых существ. Да, да! Я не шучу. Специалисты взяли их в свой арсенал вооружений, ими верховодят другие существа, те, кто желает господствовать во многих галактиках. Земная цивилизация хорошо помнит трагические этапы своего развития, когда господствовала и бесчинствовала инквизиция, произошло сожжение Бруно, принуждение Галилея к отречению от известной истины, когда имел место конфликт между католиками и протестантами, между христианами и мусульманами, где гибли сотни просвещённых людей своего времени. И если мы мысленно постараемся возвратиться на столетия назад, то участь живого трупа церковью была начертана английскому учёному 13 века Роберту Бэкону, когда шесть с половиной столетий по Европе бродила чума, унёсшая

в могилу миллионы жизней. Да и прошлый век не исключение. В такой образцовой по интеллекту стране, как Германия, сжигали книги таких учёных, как Эйнштейн, Ферми, дуэта Кюри, только за то, что они не стали сотрудничать с нацистами и эмигрировали. Не исключение и сталинский ГУЛАГ. Ещё библейских времён для борьбы с просвещением невежество всегда к действию призывало свою верную служанку Саламандру. Мистический символ огня пожирал вокруг себя всё, что в его пламенную и ненасытную пасть бросало невежество, чьи представители ханжески прикрываются сутаной и полицейской формой. В 21 веке невежество почти исчезло, но его рудименты остаются, в том числе и в науке, которой я беззаветно служу. Дай земляне мощный импульс астронавигации, и взамен они получили бы ключ изобилия, подбренный к тому неисчерпаемому источнику энергии, имеющейся во вселенной. Протяни умелую руку и усовершенствуй технологию.

То есть, ты предлагаешь, чтобы наша цивилизация, качественно приспособив технологии к суровому космическому пространству, сделала головокружительный рывок в космической навигации? Ты согласна со мной, Сайфур?

Ответа не последовало. Увлечённые беседой пожилые люди и не заметили, как девушка вышла из поля их зрения. Плавным движением, поднимаясь с кресла, Галина окликнула девушку: Сайфур! Ты где?

– Я здесь, на балконе.

Выйдя на балкон, где стояла астровизуальная установка, Галина за плечи обняла Сайфур, и прижала к сердцу. Та лишь вздрогнула.

– Что ты тут без нас скучаешь, милое дитя? Тебе неинтересно, как мы с братом ведём научно-примитивные разговоры?

О, нет! – возразила девушка – Я всего лишь вслушиваюсь в ночь и наслаждаюсь панорамой неба. Не правда ли, как красиво мерцают звёзды, а особенно, вон, видите, та звезда в верхней части Малой Медведицы.

Слова Сайфур вместе со вздохом, тяжело вырвавшимся из её груди, канули в пространство.

– Да, Сайфур. Ты права.

Девушка и Галина обернулись. Желдин вышел на балкон, расположившись за спиной Галины.

– Эта звезда особенная. Полярная. По её сиянию ориентируются не только путники, бредущие по далям густых и непроходимых лесов, но она является путеводной звездой и для мореходов, навстречу попутным ветрам плывущие в неизведанные края. В недалёком будущем, не вредно и помечтать, межгалактические корабли, бороздя бескрайний звёздный океан, по этой загадочной звезде так же будут держать свой курс.

Эти фразы смутили Сайфур. Особенно в тот момент, когда астрофизик обменялся взглядом с Галиной. Женщина поняла заложенный в нём смысл.

– Благодарю вас за вечер! – Сайфур нашла в себе силу сказать эту фразу прощания. – Я никогда, слышите, никогда не забуду вас, ваше гостеприимство и внимание, а мне надо идти готовиться к завтрашнему дню.

Девушка бросила вопрошающий взгляд на Галину.

– Сайфур права, Всеволод! – Галина ласково улыбнулась брату. Она стала невольным свидетелем психологического нажима астрофизика на сознание Сайфур. – Ты не сердись на нас. Нам, действительно, пора домой.

Всеволод Максимович не возражал. Попрощавшись, Галина и Сайфур, покинув квартиру, пошли по лестнице, которая вела вниз, и вышли на тротуар. Луна в небе, взяв на себя роль ненадоедливого и приятного гида, освещала путь нашим путникам, на их волосы, проливая кванты серебра. По дороге к её дому они молчали, пока на Галину не нашло романтическое наваждение.

– Послушай, что я тебе скажу, – голос Галины звучал успокаивающе – Когда-то в свои неполные семнадцать лет я всю ночь под открытым небом проводила в разговорах со своей первой любовью, с тем человеком, ставшим мне верным и нежным супругом до конца своих дней. Тогда Луна, точно так же, как и сейчас, словно добытое Ясоном золотое руно, белесым светом освещала дорогу любящим сердцам. В те незабываемые минуты мы были несказанно счастливы. Но забыть, не вспоминать, – я не могу, не смею. Эти воспоминания обжигают мне душу.

– Да, Галина! О своём прошлом вы рассказываете с сентиментальным сожалением, но что поделать, все мы на этой земле временны. Ничто не вечно перед Богом.

Галина остановилась и окинула взглядом девушку. Она ужаснулась. Говоря ей эти слова, Сайфур хранила невозмутимое выражение лица, вся была в своих мыслях, и это её пугало.

«Попались в золотую клетку, райские птицы, – про себя думала Сайфур, не обращая внимания на волнение Галины – Вам не ускользнуть из цепкости моих пальцев, космические медиумы. Виктор и Николай. Я даю вам честное слово. Я инсценирую ваше исчезновение по типу исчезновения легендарного Ромула, и ни одна живая душа не возьмётся за ваши поиски. Я – то знаю людей. Организуют поиски, да и разойдутся, отложив само розыскное дело в долгий ящик. Физические носители чудовищной для космиян опасности, вы на себе познаете всё, к чему стремятся ваши буйные головы. С завтрашнего дня надо перенаправить цель своих исканий из квартиры учёного на студентов, и заняться интроспекцией собственных поступков в будущем. А сейчас...».

С неохотой обрывая такие мысли, Сайфур вслед за Галиной переступила за калитку и вошла во двор. Через час разгоревшаяся в природе ночь лунным сиянием осветила комнату, у окна стояла Сайфур и смотрела на двор, над ним в небе разблестелись звёзды. Ночной воздух пах садом, и в её новых замыслах продолжал вызревать план по предотвращению экспансии землян в глубины космического мироздания. Галина, укрытая старинным пледом, мирно спала в своей постели, полностью отключившись от восприятия внешнего мира. Сайфур сошла с лестницы во двор, отзвучали на дорожке сада её быстрые шаги. Выйдя за дом, девушка начала тихонько прокладывать свой маршрут к заранее намеченной цели.

...Студенческое общежитие пребывало во мгле ночи, не нарушаемой людьми. Было далеко за полночь, но юноше почему-то в этот час не спалось. Рядом на другой кровати сопел неугомонный Николай, что-то бурча себе под нос. Какая-то доминанта в мозге застопорила в организме процессы, регулирующие сон, но студент уяснил для себя, что элементарно перенапрягся от учёбы. Ему необходимо было расслабиться. Виктор не мог забыть черных волос девушки, они ласкали его взор своими мечтательными волнами, ниспадавшие на хрупкость её плеч.

«Девушка пока не знает, кто мы. Иначе в данный час я не пребывал бы тут с Николаем. Но есть ли гарантия, что рано или поздно, но она по известным лишь ей факторам узнает тех, кто послал свои радиопозывные в космос?» – мучаясь этим вопросом, юноша поворачивался то вправо, то влево, стараясь забыться во сне.

«Никак бессонница?!» – решив, что это так, Виктор встал на ноги. В темноте его взгляд нашёл чёрный контур радиоприёмника. Радиостанции вели свои передачи на избранном числе дискретных частиц. Настроив его на лондонскую радиоволну, он стал наслаждаться звучанием классической музыки, неземная природа которой сковывала его внимание. Но сердце юноши подсказывало, что может произойти приятная неожиданность. И он не прогадал. Он обомлел, когда вместо музыки ему послышался звонкий голос любимой девушки, своими переливами очаровавший его: Как слышно меня? Отец, спешу передать вам последние известия с этой забытой всеми космическими цивилизациями солнечной окраины. Невероятно, но свершился факт. Вчера мне удалось обнаружить тех, кто послал свой радиокод в наши звёздные скопления. Я обнаружила их фамилии на полицейских негативах фотокопия отпечатков пальцев х

и у. Виктор Дагос и Николай Лотман. Первого парня я знаю в лицо, сегодня попытаюсь установить, где обретается личность второго. Они виноваты не только в том, что изобрели оружие поражающего параметра, но и скрывают его, оставаясь внешне невозмутимыми.

Обнаружив из слов девушки, что они разоблачены, юноша от неожиданности подпрыгнул, да так неуклюже, что очутился на полу.

– Ты чего шумишь, приятель? – проснувшись, недовольным голосом пробурчал Николай.

Отключив радио и сев на край кровати, Виктор крепко задумался. Растянув руки, в горизонтальном положении, он плавным движением вертикально опустил их вниз. За окном бушевала ночь, а сон у Николая исчез без следа.

– Что случилось? – рукой протирая закрытые глаза, спросонья спросил Николай, присаживаясь рядом с другом.

– Ничего, что достойно твоего внимания – ответил Виктор. – Нас засекли, мы на крючке у Сайфур. Вот что, друг, произошло.

– Как засекли?

Николай серьезно, и со страхом смотрел на притихшего Виктора, не став вдаваться в расспросы.

– Выйдем на улицу – предложил Виктор.

Два юных друга, ярко освещённые ночными фонарями, побрели по ещё спавшему городу, то тут, то там, блестящему гирляндами супермаркетов.

– Что произошло, Виктор? Можешь ли ты толком объяснить, что с тобой происходит? Развилась мания преследования?

К своему разочарованию Николай видел, как его друг отчего-то приуныл.

– А ничего особенного, Коля. Просто не удивляйся, если в одно прекрасное время нас не окажется на Земле, вследствие похищения пришельцами.

Виктор пытливым взглядом провожал машину чёрного цвета, удаляющуюся в одну известную её хозяйину даль.

– У тебя, что, температура? – решив проверить свою догадку, Николай приложил ладонь ко лбу друга – Вроде бы, нет. Так в чём же дело?

– Дело всё в том, что задавая вопрос, ты не подумал о последствиях. Вокруг нас, Коля, происходят такие вещи, что тебе и невдомёк.

– Витя, послушай меня! – теряя терпение, Николай стал горячиться – Будет тебе говорить загадками, мы сейчас находимся не в студии Якубовича, а на улице. Ты что, сфинкс, чтобы своими словами заставлять других людей размышлять об их значении? Мысли образами, а не понятиями.

– Ты не лишён прямолинейности, это качество характеризует тебя, – заметил Виктор. – Что ж, по рукам. Ты должен знать то, что знаю я. Я раскрою перед тобой свои сокрытые мысли, а ты постарайся выслушать, и не перебивать.

Высказавшись, Виктор стал ожидать реакции друга на свои слова.

– Ну и ну! – восхищение Коли явно зашкаливало – Ват так пироги. Никогда бы в жизни не поверил, что твоя девушка могла прилететь с другой звезды. Это правда, не розыгрыш?

– Тебе придётся поверить!

Виктор ускорил шаг, Николай не отставал от него.

– Она так тараторит по-русски, что я не поверил бы, что она с другой планеты.

– Восток есть Восток, – улыбнулся Виктор, сонно зевнув в кулак – А она особенная.

– Странно! Откуда она знает русский? – своими расспросами Николай не давал Виктору покоя. – Ведь там, откуда она прибыла, должна быть своя речевая логика.

– Ты её и спроси. – Виктор не удержался от раздражения. – Что ни день, то ребус, а тут ещё это взезное открытие.

– Что же нам предпринять?

В этот поздний час вопрос Николая приобретал актуальную окраску, над которой Виктор пытался соорудить что-нибудь разумное и без лишней огласки.

– Ты помнишь тетю Марту? – вдруг поинтересовался Виктор.

– Нет, а что?

– Ты не будешь возражать, если мы укатим к ней на два дня, если не три?

– Не выйдет, – вздохнув, Николай уныло покачал головой – У меня и так имеются пропуски по лекциям, их надо срочно отработать. И его осенила дерзкая мысль, обретшая форму слова: Слушай! А это стоящая идея! Поезжай-ка ты, на пару дней погостить у тётки Марты один. Потом я к тебе присоединюсь. Это лучший вариант, чем сидеть здесь и бояться собственной тени. Я буду прикрывать тебя в институте, а там ты ознакомишься с деревенским захолустьем, заодно, припрячешь аппарат. Логично? Конечно. Так и поступай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.